

АЛ. ЛЕСС

**РАССКАЗЫ
О ШАЛЯПИНЕ**

**РАССКАЗЫ
О ШАЛЯПИНЕ**

АЛ. ЛЕСС

**РАССКАЗЫ
О ШАЛЯПИНЕ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“**

МОСКВА 1973

Художник М. А. Аникст

ГЕНИАЛЬНЫЙ СЫН ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Эти слова начертаны по-французски на розовом граните тяжелой плиты, прикрывающей могилу величайшего певца, когда-либо появлявшегося на оперной сцене или концертной эстраде. История вокально-сценического искусства не знает артиста, превзошедшего Шаляпина или хотя бы равного ему. В конце книги Александра Лесса говорится об этой могиле на парижском кладбище Батиньоль и приводятся строки из венеитиновского стихотворения «Поэт», герой которого охарактеризован как «сын богов, любимец муз и вдохновенья».

Поистине прекрасная эпитафия для Шаляпина! Приведенными словами, однако, и ограничивается то, что может быть отнесено к нему в этом прекрасном стихотворении, рисующем образ молчаливого, задумчивого мастера, которому «тихий гений размышленья» поставил «печатъ молчанья на уста». А Шаляпин по нраву своему, по яростным порывам, отличавшим его жизнь и творчество, более всего походил на неистового Бенвенуто Челлини. Ибо создатель Персея, поныне воздымающего голову Медузы Горгоны в одной из лоджий на площади Синьории во Флоренции, также дарил людям невыразимое счастье всепокоряющей силой своего гения и точно так же требовал от людей поклонения этому гению. Но пусть тот, кто попытается обвинить Шаляпина в надменности, вспомнит великие имена не только Челлини, «давшего бронзе тайну плоти», но и Дюрера и Бетховена. Подобно этим, да и другим прославленным масте-

рам Шаляпину было в высокой степени свойственно ощущение своего, если можно так выразиться, творческого всемогущества. Вот это и рождало то, что иные называли «самоуверенностью», забывая о тех исканиях и муках, которые терзали Шаляпина в период лепки каждого образа созданной им громадной, многоярусной галереи, навеки вошедшей в историю мирового искусства и ставшей нашей национальной гордостью.

Когда мы пытаемся постичь облик великого художника, чье имя стало как бы символом вершинных достижений в какой-либо области искусства, то убеждаемся, что этой областью воля, власть и сила такого мастера никогда не ограничивалась. Федор Иванович Шаляпин, конечно, может быть назван идеальным сочетанием «поющего артиста» и «играющего на сцене певца». Но Шаляпин был прежде всего великим психологом. Достаточно хорошо известен рассказ о том, как он появился на сцене парижской Большой оперы в царском облачении и, заклиная призрак убиенного царевича, простер руку, восклицая «чур, дитя», и как тысячи людей отвернулись от сцены и с ужасом устремили свой взгляд туда, в глубину зала, где они действительно ожидали увидеть окровавленное дитя, созданное не только словами, но и незабываемым жестом, и интонацией.

Глинка и Мусоргский, Монюшко и Яначек искали правдивость произнесенного и распетого слова. И, начиная с великого Монтеверди, создавшего «смятенный стиль» венецианской оперы, накапливались поиски именно такого, «от сердца к сердцу» идущего, пламенного слова, сочетающегося с пластикой жеста, мимики и... еще чего-то, что с такой потрясающей силой утверждал Шаляпин. Это «что-то» было невиданной, неслыханной дотоле высокой человеческой правдивостью, которую Шаляпин принес в условное, казалось бы, оперное искусство, в менее, скажем прямо, условный жанр романса, в исполнение народных песен, становившееся у него не просто исполнением.

Не существует пока, да вряд ли скоро и появится моногра-

фия о Шаляпине. Но собираются уже черты облика великого артиста. И думается, что книга Александра Лесса, состоящая из небольших очерков, содержит немало таких черт, схваченных тем приемом «психологического офорта», который по существу так тщательно разработан именно автором книги. А. Л. Лесс — не только компетентный музыкант, но и эссеист, отдающий все свои силы и литературный талант «искусству дивному» — вспомним, что так назвал музыку Пушкин.

Очерки и наброски Александра Лесса давно уже привлекают внимание читателей меткостью характеристик, а порой и свежестью материалов, извлеченных им из живой человеческой памяти собеседников, из отечественных и зарубежных архивов и частных собраний. Целую книгу о знаменитом итальянском певце Титта Руффо написал Лесс, а сейчас подводит первые итоги своей многолетней работы над изучением облика Шаляпина и — воспользуемся термином, примененным в этой книге, — «эпохи Шаляпина», которая в конце прошлого века открылась статьей В. В. Стасова с знаменательным заглавием «Радость безмерная».

Именно эти слова Сабинина из глинкинской оперы Стасов выбрал для того, чтобы передать свои впечатления от выступления двадцатипятилетнего Шаляпина. Человек, которому выпало счастье стоять у колыбели русской музыкальной классики, мудро и пронизательно оценил ее значение — от бессмертных творений Глинки до «Божественной поэмы» Скрябина. Вплоть до последних дней своей жизни следил Стасов за многообразными проявлениями шаляпинского гения. За месяц до смерти взволнованно писал он брату: «...Но Шаляпин-Шаляпин, какой он вчера был — просто невообразимо! Так произвел «Я не сержусь» и «Вы, злые старые песни», как, кажется, *никогда* еще. Я подобного у него не слыхивал, даром что давно-давно слушаю и знаю его. Удивительно! Мы были просто поражены этой неожиданною силою, страстью и огнем. Многие распла-

кались, разревелись... Римский-Корсаков был тоже глубоко потрясен».

В книге Александра Лесса собраны высказывания о Шаляпине, принадлежащие прославленному русскому певцу Собинову, великому Рахманинову и другим мастерам, известным строгостью и нелицеприятностью своих суждений. Рахманинову Шаляпин отвечал такой же любовью и почитанием его гения. Известна шаляпинская фраза: «Когда Рахманинов аккомпанирует мне, то нельзя сказать, что я пою. Нужно говорить: мы поем». Судя по всему, Рахманинов был и единственным дирижером, с которым Шаляпин не вступал в пререкания. Но как часто его «челлиниевский» темперамент прорывался во время стычек с другими, даже знаменитыми дирижерами! И недаром Александр Лесс приводит слова Айседоры Дункан, назвавшей Шаляпина в порыве суеверного восторга «дьяволом», и рассказывает о последнем концерте Шаляпина на родине, когда одна старая певица вышла из зала, будучи не в состоянии бороться с «наваждением»: Федор Иванович пел знаменитую бетховенскую песню о «темной могиле»...

В книге Александра Лесса бережно собраны многочисленные штрихи, свидетельствующие о творческом перевоплощении Шаляпина, невысказанном, разумеется, без глубочайшего постижения психологии создаваемого образа — будь то оперная партия, романс или песня. И сила этого перевоплощения была такова, что тогда, когда Шаляпин пел, скажем, «Эй, ухнем», то в зале не только раздавался могучий, прекрасный голос великого певца, но и ощутимо возникал трагический образ волжского бурлака. Недаром один из самых блестящих историков музыки Жорж де Сен-Фуа, услышав этот шаляпинский шедевр в Париже, сказал: «Теперь я знаю, каких людей изобразил мэр Репин». Но этот бурлак так же естественно становился и коронованным властелином Руси, и князем-фанатиком, и обезумевшим от горя мельником, и самим сатаной, и степенным генера-

лом. Вспомним, как Шаляпин с присущим ему чувством юмора рассказал в автобиографии о коменданте Тифлиса, выразившем уверенность, что молодой исполнитель роли Гремина происходит, конечно, «из генеральской семьи».

Тяжелой, горькой была юность Шаляпина, которой посвящено несколько страниц книги Лесса. Но центральной темой этой книги все же остается становление гения и его расцвет, два с лишним десятилетия, которые Шаляпин блистал на русских сценах и эстрадах, достигнув небывалых высот. И автор книги справедливо говорит об уникальности дарования и мастерства Шаляпина, показывая, что были певцы, превосходившие его силой голоса, но не было ни одного, который стал бы Шаляпиным.

И все же эпилог жизни Шаляпина оказался трагическим, ибо для него, так жаростно и нежно любившего Россию, разлука с отчизной была невыносима, и этому горю, несомненно надломившему Шаляпина, посвящены самые скорбные страницы книги. Он пел русские песни, воплощал на оперной сцене образы русских людей, он молился за них «со умилением, преклонше колена». И не побоимся сказать даже, что в Великой ектеньи Шаляпина воплотился образ человека, тоскующего по родине и мысленно устремляющегося к ней, не переставшего никогда думать о своих благородных бесстрашных соотечественниках, «о плавающих, путешествующих, недугующих, где лежащих и повсюду православных». «Зде... и в Париже, земля которого приняла гроб артиста, некогда воплощавшего образ Досифея, с воинственным двоеперстием шедшего на Петра и смертельно уставшего к концу жизненного пути... Не огонь старообрядческого костра, а иссушающее пламя любви к покинутой родине жгло великое и мятежное сердце Шаляпина. И последний эпизод книги — рассказ о том, как горсть родной земли легла на могилу Шаляпина, — звучит подобно эпилогу, завершающему трагедию.

Трудно без волнения думать о жизни и судьбе Шаляпина, о зените его славы и творчества, о его сумрачных переживаниях на чужбине. И книга Александра Лесса помогает читателю воссоздавать облик гениального артиста, постигать его сложную, далеко еще не изученную психологию. А эти строки, предпосылаемые книге, которую я читал с большим увлечением, хочется мне закончить рассказом, услышанным мною от отца. Звали его тоже Федором Ивановичем и был он пламенным почитателем гения Шаляпина еще в студенческие годы, с ночи становясь в очередь за билетами на спектакли с его участием. Годовщина смерти Шаляпина, скончавшегося 12 апреля 1938 года, всегда отмечалась в нашей семье, и, по странному совпадению, отец мой ушел из жизни тоже 12 апреля, в пятую годовщину смерти своего знаменитого тезки.

Во многих ролях видел его отец и всегда уходил из театра потрясенным не только тем художественным событием, каким был каждый шаляпинский спектакль, но и открытием нового тайника человеческой души. Особенное впечатление производили на отца пушкинские образы, созданные Шаляпиным, начиная, разумеется, с Бориса Годунова. И все же, как ни сильны были сцены галлюцинации и смерти царя Бориса, наиболее страшной была шаляпинская реплика в «Моцарте и Сальери», когда в ответ на фразу Моцарта: «А гений и злодейство — две вещи несовместные» — Сальери вставал и, буквально нависая над поникшим в кресле Моцартом, грозно и сардонически вопрошал его: «Ты думаешь?» — а затем бросал яд в «чашу дружбы».

Известен случай, когда Шаляпин в узком «корсаковском» кругу один исполнил «Моцарта и Сальери» (у рояля был Рахманинов). Великий артист воплотил оба образа. До него это удалось сделать только Пушкину.

Игорь БЭЛЗА

ЗОЛОЧЕНОЕ КРЕСЛО

В свои молодые казанские годы Шаляпин часто жестоко голодал.

Ютился он в какой-то хибаре на чердаке, а спал на полу.

Зарабатывал на жизнь выступлениями в трактирах и чайных, но выступал не как певец, а как исполнитель народных сказок.

За эти «концерты» ему платили гроши, на которые нельзя было вволю поест даже хлеба.

Однажды он получил несколько рублей и, проходя мимо мебельного магазина, увидел в витрине золоченое кресло. Шаляпин долго с соблазном смотрел на него, потом решительно вошел в магазин, купил кресло и притащил его на чердак.

Иногда среди ночи он просыпался от голода, зажигал керосиновую лампу и садился в золоченое кресло.

Он сидел в кресле и, прищурившись, глядел, словно зачарованный, на слабое мерцанье фитиля. Он видел себя на сцене, в блеске огней, в дорогих царских одеждах. Он выходил на вызовы восторженно аплодировавшей публики — выходил царь театра.

В этом полумраке, в этом призрачном мире он жил, думал, мечтал, пока, обессиленный, не забывался тяжелым, беспокойным сном.

ПОЦЕЛУЙ „НЕБОЖИТЕЛЯ“

В 1901 году Шаляпин впервые приехал в Милан, чтобы на сцене театра «Ла Скала» спеть партию Мефистофеля в одноименной опере Бойто.

Много лет назад эта опера в Милане провалилась, и надежда на ее «воскрешение» теперь возлагалась на молодого русского артиста.

Газета «Русское слово» послала в Милан «короля московских фельетонистов» Власа Дорошевича — ему поручалось информировать читателей о гастролях Шаляпина.

В известном своем фельетоне Дорошевич красочно описывает сеть явных и тайных интриг, в какую попал Шаляпин, с каким недоброжелательством встретили итальянские басы русского коллегу, и как Шаляпин, бросив вызов всемогущей клане, отказался от услуг «негодяев в желтых перчатках» и покорила выдавшую виды миланскую публику.

Но Дорошевич не знал того, что произошло за кулисами, когда в первом антракте, разгоряченный небывалым успехом, бледный от волнения, Шаляпин вошел в уборную.

А произошло то, что так редко встречается среди артистов, тем более — знаменитых!

Едва закрылся занавес, со своего места быстро поднялся Анджело Мазини, «сладчайший» Мазини, великий романьольский тенор, один из «небожителей», которого боготворила русская публика, — столь велико было очарование его голоса.

С горящими от возбуждения глазами он чуть ли не бегом устремился за кулисы, расталкивая чопорную публику и провожаемый недоуменными взглядами меломанов.

В уборную Шаляпина Мазини не вошел, нет — влетел! Увидев гигантскую полуобнаженную фигуру Шаляпина, Мазини в изумлении остановился и несколько секунд стоял точно замороженный, не в силах проронить ни слова, затем приблизился к нему, обнял и восторженно проговорил:

— Che voce!.. Che talento!..¹

И крепко поцеловал.

Мазини было тогда пятьдесят семь лет — он был на тридцать лет старше Шаляпина.

Шаляпин был потрясен. Но ничуть не меньше были потрясены и наблюдавшие эту сцену: они знали, что Мазини — мрачный и неразговорчивый человек, мизантроп, ни с кем не общающийся.

Поцелуй «небожителя» был началом всесветной славы Шаляпина.

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ

-- Я — убежденный шаляпинист. И сколько бы иные не говорили, что в характере у Шаляпина было довольно много отрицательных сторон, я не изменю своей любви. И какое дело публике до характера артиста? Ведь она приходит в театр *слушать* певца, наслаждаться его игрой, созданным образом?! А Шаляпин платил публике полным рублем!..

¹ — Какой голос!.. Какой талант!.. (итал.)

Но все это, как говорится, присказка. А сказка — впереди. Я обязан Шаляпину тем, что стал оперным певцом. Он — мой крестный отец.

Дело было так.

Служил я телеграфистом в Рыбинске, и было мне восемнадцать лет. Как-то ночью, во время дежурства, получил я телеграмму из Петербурга: управляющий императорскими театрами Теляковский телеграфировал Шаляпину, который жил в его имении. А находилось оно в двадцати пяти верстах от Рыбинска, на левом берегу Волги.

Я обрадовался, узнав, что Шаляпин — здесь, в наших местах, и что до него в сущности — рукой подать! Надо вам сказать, что в детстве был у меня отличный альт, и пел я в церковном хоре, которым руководил регент Лука Макарыч Забелин. Милый старичок научил меня нотной грамоте, а когда голос начал «ломаться», строго-настрого запретил петь. Прошли годы, и в один прекрасный день запел я тенором. В тайниках души мечтал о карьере оперного артиста, но не знал, к кому обратиться, с кем посоветоваться. Вот в ту ночь я и решил: поеду к Шаляпину и попрошу его послушать мой голос.

Захватив ноты — каватину Фауста, которую я любил и хорошо знал, — сел утром на пароход и часа через три был уже в имении Теляковского.

Пока шел к усадьбе, волновался так, что язык присох к гортани, а подошел ближе — осмелел.

На открытой террасе увидел человека громадного роста, в русской рубашке. На голове у него красовалась малиновая феска с кисточкой. Я сразу же узнал Шаляпина, узнал по фотографиям, которые продавались во всех книжных магазинах.

— Федор Иванович, прошу вас, послушайте мой голос...

Шаляпин недоверчиво взглянул на меня, помолчал и спросил:

— Баритон?

*Ф. И. Шаляпин. 1900 г.
Редкий портрет.*

— Нет, Федор Иванович, тенор...

— Тенор, говоришь? Ну, пойдем, послушаем твой тено-ришко... Теперь, брат, хороших голосов днем с огнем не сы-щешь...

И ввел меня в маленький рубленый домик, где стоял рояль красного дерева.

Шаляпин сел за инструмент, я начал распрямлять свернутые трубочкой ноты, а они, как нарочно, никак не выпрямлялись. Наконец удалось поставить их на пюпитр, Федор Иванович дал вступление, и я запел:

Привет тебе, приют священный,
Привет тебе, приют невинный,
Все о любви здесь говорит мне
И все невинностью дышит...

— Хватит!— остановил меня Шаляпин, хлопнув крышкой рояля.— Все ясно. Голос у тебя хороший. Поезжай в Москву учиться. Учись обязательно... Только думай над тем, что поешь, над каждой фразой думай, над каждым словом...

...Незадолго до экзаменов я переехал в Ярославль и устро-ился в контору Государственного банка. Управляющий конторой Полянский охотно отпустил меня в Москву на экзамен. Я при-шел в консерваторию, меня прослушала комиссия во главе с самим директором Сафоновым, и я был принят в число сту-дентов. Но возникло затруднение: за учение надо было уплатить сто рублей, а у меня — ни копейки. Что делать? Рассказал я о своем положении Полянскому, он пригласил на обед ярославских миллионеров, заставил меня им петь, а после обе-да обошел их с кружкой, и деньги были собраны.

Окончил я консерваторию по классу знаменитого Умберто Мазетти, у которого училась и Антонина Васильевна Нежда-нова. Служил в разных театрах: и в Народном доме в Петер-

бурге, и у Зимина в Москве, и в Воронеже, и в Ставрополе... Конечно, корифеем я не был, нет, но пел много и неплохо, голос был большой, красивый, фигура статная, публика меня любила, свою долю ласк получил, есть что вспомнить...

А с Шаляпиным привелось встретиться только спустя шестнадцать лет. И — мог ли я подумать! — пел с ним в 1919 году в бывшем театре Зимина в «Борисе Годунове», пел Шуйского, свою любимую партию. Между прочим, в этом спектакле произошел такой случай: в сцене, когда ближний боярин сообщает Годунову о приходе Шуйского, артист допустил неточность, и Шаляпин зловеще прошипел:

— Опять наврал, сволочь!..

Насмерть перепуганный артист опасался, что Шаляпин учинит ему в антракте «проборцию», но дело обошлось.

После спектакля я подошел к Шаляпину:

— Вы не помните меня, Федор Иванович?

— Не припоминаю что-то...

— Я приходил к вам и просил послушать мой голос...

— Ко мне многие приходили...

— Дело было давно, в 1903 году, в имении Теляковского...

Шаляпин задумался.

— Ах, так это были вы?! — спросил он, оживившись.

— Да...

— Ну, что ж, очень рад встрече!.. Вы хорошо пели... Поздравляю!.. Я рад, что в вас не ошибся...

На следующий день я снова увидел Шаляпина. Он стоял в фойе, заложив руки за спину, и рассматривал портреты актеров, висевшие на стенах. Артисты торопливо проходили мимо, с опаской поглядывая на него. Подойти не решались — такое он внушал уважение...

Константин Николаевич Полтевский не производит впечатления старика — высокий, гладко выбритый, подтянутый. Правда, ходит он медленно, тщательно размеря движения, и иногда переспрашивает нерасслышанные слова — только это и выдает возраст.

— Да ведь и то сказать, — как бы мимоходом отвечает он на незаданный вопрос, — лет-то мне уж очень много: восемьдесят шесть... без четырех — девяносто!..

НА МОХОВЫХ ГОРАХ

Шляпин любил сниматься. Он охотно позировал не только фотографам-профессионалам, но и любителям, — даже тем из них, кто впервые брал в руки фотоаппарат. Иконография Шляпина (как, впрочем, и иконография Горького) необозрима: она насчитывает тысячи снимков, сделанных во всех странах земного шара и потому не поддающихся никакому учету. Среди этого гигантского количества фотографий есть снимки широко известные, воспроизводившиеся на почтовых открытках, многократно публиковавшиеся в книгах, газетах и журналах. Но время от времени удается «открыть» редкие фотографии Шляпина, представляющие огромный интерес для всех, кому дорога память о великом артисте.

Перед нами — один из таких снимков, запечатлевший Горького и Шляпина в 1903 году на Моховых горах, под Нижним Новгородом. Взгляните на фотографию: Горький сидит на перилах террасы, в руках — не то посох, не то — длин-

*А. М. Горький и Ф. И. Шаляпин
на даче на Моховых горах. 1903 г.
(Фото Янины Берсон)*

ный шест; рядом — умильно улыбающийся Шаляпин, одетый под деревенского парня: в расшитой русской рубахе и сапогах.

Интереснейший снимок!

Но не менее интересно и то, что лежит «за кадром».

...Горький познакомился с Шаляпиным в августе 1900 года, когда Федор Иванович приезжал с концертной программой на знаменитую в России Нижегородскую ярмарку. С того дня они подружились, и вскоре дружба перешла в длительную искреннюю любовь.

Лето 1903 года Алексей Максимович проводил на даче на Моховых горах. В это время в Нижний приехал и Шаляпин. С громадным успехом он выступал в концертах, а свободные часы проводил в обществе своего друга. Они встречались почти ежедневно: то в концертах, то на городской квартире Горького, то на Моховых горах. Друзья совершали длительные прогулки, вспоминали разные эпизоды из своей жизни, вели нескончаемые разговоры об искусстве, спорили, мечтали...

Но кто же автор фотографии? При каких обстоятельствах она сделана?

* * *

Жил в Петербурге банкир Берсон. О его политических настроениях красноречиво говорит тот факт, что однажды он устроил в своем особняке костер из книг Горького.

Его дочь Янина, молодая, красивая девушка, талантливая скрипачка, которой знатоки пророчили блестящую будущность концертантки, была совсем других убеждений. Под влиянием революционного подъема в стране, она увлеклась передовой русской литературой, в особенности книгами Горького, и решила порвать с семьей.

В разгар бала в особняке отца Янина вдруг исчезла. В бальном платье, в котором только что танцевала в зале, она

вскочила на лихача, помчалась на вокзал, села в отходивший поезд и меньше чем через сутки была в Нижнем Новгороде.

Она пришла к Горькому, рассказала о своей жизни, о том, что побудило ее бежать из дома.

Алексей Максимович и Екатерина Павловна с сердечной теплотой отнеслись к Янине и приняли живейшее участие в ее судьбе.

Янина Берсон была отличным фотографом-любителем. Она много снимала своим «Кодаком», снимала и Горького, и Шаляпина, и друзей Алексея Максимовича, часто бывавших у него в гостях.

Вот она-то и сделала этот редкий снимок, который неизвестен широким кругам читателей и который мы рассматриваем сейчас с самым живым и неподдельным интересом.

НАРОДНЫЙ КОНЦЕРТ

Шаляпин решил дать народный концерт для рабочих Киева.

Слух о предстоящем концерте просочился в редакции газет, проник на заводы и фабрики, разнесся по окраинам, где ютился рабочий люд.

Для концерта было снято помещение цирка, вмещавшее две тысячи зрителей. Тысячу билетов Шаляпин роздал бесплатно, а тысячу распорядился продать по самым дешевым ценам, начиная от 12 копеек за билет, — вырученные деньги целиком пошли в уплату за аренду помещения.

Настал день концерта.

С утра здание цирка осаждала тысячная толпа людей, жаж-

давших послушать своего любимца. Им не достались бесплатные билеты, они не смогли приобрести их и за деньги, и теперь здесь, у цирка, они рассчитывали на последнее счастье: лишний билет.

Цирк давно уже был переполнен, а начало концерта по каким-то причинам задерживалось. Кто-то пустил слух, что Шаляпин арестован. Поднялся шум, свист. Нетерпеливая напряженность двух тысяч слушателей нарастала с каждой минутой. А в это время Шаляпину и его аккомпаниатору никак не удавалось пробиться сквозь плотное кольцо людей, окруживших цирк и запрудивших всю улицу. Не помогли артистам и полицейские, им явно было не под силу справиться с толпой. Тогда Шаляпин прибегнул к помощи пожарных. Они приставили к соседнему с цирком дому пожарную лестницу, по которой Шаляпин с аккомпаниатором поднялись на крышу дома. Затем они перебрались на крышу цирка, и через слуховое окно проникли в здание.

...На эстраду выходит Шаляпин — высокий, молодой, в белоснежном пластроне, во фраке, плотно облегающем его могучую фигуру.

Ему тридцать три года, он — в расцвете сил, голоса, таланта.

Зал встречает артиста овацией.

Шаляпин поет арии из опер — русских и иностранных, голос певца льется широко и мощно, и каждый номер вызывает экстатический восторг слушателей.

Когда Шаляпин исполнил последнее произведение, означенное в программе, ему снова была устроена овация.

Счастливым своим успехом, возбужденный, Шаляпин кланялся, уходил за кулисы, опять выходил и кланялся, а из разных уголков громадного зала неслись возгласы:

— Бра-во!.. Бис!.. Бра-во!..

Какой-то старик, с длинными, как у Тараса Бульбы, усами,

поднялся со своего места, замахал руками, как бы призывая публику к порядку, и, улучшив минутную тишину, сказал просто и задумчиво:

— Федор Иваныч, уважь, спой ты нам бурлацкую песню...

— Просим «Старого капрала!»— в ту же секунду крикнул молодой, звонкий женский голос.

— «Блоху!»— загремел чей-то могучий бас.

Лицо Шаляпина становится собранным, короткая пауза, и на тончайшем пианиссимо он начинает:

Э-э-й, у-ухнем,
Э-э-й, у-ухнем...

А когда на таком же пианиссимо Шаляпин закончил песню, зал дрогнул от аплодисментов. Наэлектризованная публика неистовствовала, хлопала, кричала «браво» и без конца вызывала на «бис».

— Ладно, братцы,— сказал Шаляпин, улыбаясь,— спою «Дубинушку»... Только подпевайте!.. Все подпевайте!..

Много песен слышал я в родной стороне,
В них про радость и горе мне пели...

По знаку Шаляпина импровизированный хор подхватывает припев. Сначала неуверенно, но с каждым тактом все слаженнее и сильнее нарастает гигантская звуковая волна, сотрясая здание цирка. И в том, как публика принимала «Дубинушку», как страстно звучал припев, легко было угадать настроение двух тысяч слушателей. Совсем недавно революционные события охватили всю страну, и отзвук этих событий слышался сейчас здесь, в зале.

Но вот окончился концерт, и на эстраду вышли представители Киевского комитета РСДРП. Они поблагодарили Шаляпина и преподнесли ему золотой жетон с надписью: «Великому

художнику и честному гражданину земли русской от КК РСДРП».

Вслед за ними на эстраде появилась делегация киевских пролетариев. Четверо старых рабочих внесли громадный лавровый венок. Шаляпин улыбнулся, под гром аплодисментов нагнул голову, и рабочие надели на него венок. На развевающихся лентах красовались надписи: «Свободное искусство для свободного народа» и «Спасибо тебе, голубчик Федор Иванович, за ласки, за песни».

А коллеги Шаляпина — киевские артисты — подарили ему серебряный венок.

...Вероятно, и поныне здравствуют в Киеве старики рабочие, которые в дни далекой молодости были в этом концерте. Они, должно быть, часто о нем вспоминают и рассказывают детям и внукам своим о народном концерте, данном Шаляпиным в теплый апрельский день 1906 года, — такие события остаются в сердцах и памяти на всю жизнь.

НА ДАЧЕ У МАМОНТОВА

Савва Иванович Мамонтов, один из крупнейших промышленников России, был личностью необыкновенно талантливей. Он известен как пианист и режиссер, либреттист и скульптор, поэт и знаток оперного искусства.

Мамонтов первый заметил удивительное дарование Шаляпина, привлек его в «Частную оперу», где гений Шаляпина раскрылся и засверкал всеми гранями.

*Ф. И. Шалыгин на даче
Саввы Ивановича Мамонтова.
Стоят (слева направо):
И. А. Белоусов, М. П. Гальперин.*

Однажды Савва Иванович пригласил к себе на дачу, на чашку чаю, своих друзей.

Собрались поэты, прозаики, художники, музыканты.

Приехал и Шаляпин.

Перед тем как сесть за стол, поэты Михаил Гальперин и Иван Белоусов, большие поклонники Шаляпина, обратились к Мамонтову:

— Попросите Федора Ивановича что-нибудь спеть!..

Мамонтов решительно отказался.

— Федор стал уж больно капризен,— сказал он недовольным тоном.— Не будем кланяться... Пусть его сидит и слушает...

Гости Мамонтова читали стихи, рассказы, оживленно спорили о прослушанных произведениях, пили чай, вновь читали и опять спорили.

Один только Шаляпин был «не у дел».

Он сидел хмурый и мрачный, слушал, насупившись, и ничего не говорил. Понять его состояние было нетрудно: он уже привык к тому, что все его просят, уговаривают, заискивают перед ним, а здесь на него вроде бы и внимания никто не обращает...

Неожиданно Шаляпин поднялся, расправил плечи и с жаром сказал:

— Что ж это, братцы, такое?.. Ужели я хуже всех?.. А не спеть ли?..

С этими словами он подошел к роялю и под аккомпанемент Саввы Ивановича начал петь.

Этого все только и ждали.

И пел Шаляпин всю ночь.

Пока не взошло солнце.

ДВА ИНЦИДЕНТА

В Мариинском театре шла генеральная репетиция «Бориса Годунова».

Театр ломился от публики. Интерес к премьере был тем более велик, что партию царя Бориса пел Шаляпин, ставил спектакль Всеволод Мейерхольд, а дирижировал оперой Альберт Коутс — блестящий музыкант, неизменный любимец артистов и публики.

Во время коронации Шаляпин, облаченный в парчовые царские одежды, могучий и величественный, с лицом торжественным и скорбным, дойдя до середины сцены, вдруг «вышел из образа» и начал неистово стучать посохом.

Коутс мгновенно остановил оркестр и хор, но колокола еще несколько секунд продолжали звонить, а пушки — стрелять.

Наконец, наступила тишина.

Мейерхольд, волнуясь, подбежал к оркестровой чаше.

— Что случилось, Федор Иванович?

— Неужели эта гадость будет и на спектакле? — зычным басом раздраженно спросил Шаляпин, указывая посохом на барьерчик, окаймлявший дорогу коронационного шествия.

— Нет, нет, уберем! — ответил Мейерхольд.

Шаляпин, сменив гнев на милость, повторил всю сцену.

Он спел монолог «Скорбит душа...» с таким страстным трагизмом, так глубоко раскрыл душевную драму Бориса, что публика тут же «отпустила Шаляпину грех».

Начался последний акт.

В сцене прощания с сыном Шаляпин после нескольких пер-

вых тактов, неожиданно замолчал. Растерянный Коутс начал снова. Шаляпин вступил и опять остановился, указывая щелчками ритм. Коутс повторил вновь, но и на этот раз не получилось: то ли дирижер не расслышал щелчков, то ли не понял, чего добивался Шаляпин. Тогда Федор Иванович подошел к рампе и в абсолютной тишине стал отщелкивать ритм.

Публика замерла, ожидая конца «поединка».

Когда Шаляпин спел всю сцену, по залу пронесся смерч. Казалось, вот-вот рухнет театр. Такой бурной овации давно уже не слышала «Мариинка».

...Николай Васильевич Смолич, в то время — актер Александринского театра, а впоследствии — известный оперный режиссер, вышел из театра вместе с Коутсом, с которым был дружен.

— Ты не сердись на него, Альберт? — спросил Смолич.

Коутс ответил со своим милым коверканьем русских слов.

— Ах, Николай, я не могу сердиться!.. Он же гений... Пойми это... А на гения сердиться нельзя!..

ЛОЖКА

Рауль Гюнсбург — директор оперного театра в Монте-Карло — пригласил группу молодых русских певцов, с Шаляпиным во главе, на сезон 1912 года.

Спектакли давались в маленьком театре, изумительном по архитектуре и внутреннему убранству — он находился в том же здании, где и знаменитая «рулетка».

...Шел «Борис Годунов». Партию царя Бориса пел Шаляпин, партию царицны Ксении — Фанни Деранкова.

*Ф. И. Шаляпин в роли Бориса Годунова.
(Из альбома А. Маршака)*

Успех был полный, невиданный даже для Монте-Карло. Когда Шаляпин вышел из театра, зрители, столпившиеся у выхода, засыпали артиста цветами.

Однажды русские певцы — товарищи Шаляпина — зашли к нему в гости — Федор Иванович вместе с другом своим и секретарем Исаем Дворициным занимал небольшой особняк.

На столе рядом с серебряным прибором Шаляпина лежала простая деревянная ложка.

— Что это за ложка, Федор Иванович? — удивилась Деранкова. — Зачем она тут?

Шаляпин взглянул на актрису и вдруг помрачнел.

— Это — особое дело, — сказал он серьезно. — Когда я работал подмастерьем у сапожника, хозяин колотил меня этой ложкой по лбу... До синяков, до кровоподтеков бил, скотина... Говорил: «Учу уму-разуму»... Вот она и до сих пор со мной... Вожу ее по белу свету...

Но теперь эта ложка была оправлена серебром.

„СУДЬБА“

Рахманинов показал Шаляпину только что написанный на стихи Апухтина романс «Судьба».

— Посмотри, Федор, эту вещицу, — сказал Рахманинов, как всегда, смущаясь, когда дело касалось его произведений. — Если понравится, может быть, включишь в свой репертуар...

Шаляпин несколько раз внимательно просмотрел рукопись, а затем под аккомпанемент Рахманинова начал петь.

Сергею Васильевичу не понравилось исполнение Шаляпина.

— Нет, Федор, это не моя «Судьба»,— сказал он разочарованно и огорченно.— Ты поешь не так, как мне слышалось, когда я писал...

Шаляпин не обиделся и спокойно ответил:

— Ты — баловень судьбы, Сережа, и не знаешь, какой иногда беспощадно-жестоким бывает судьба... А ведь именно *это* я хотел передать...

Не сказав более ни слова, он вышел из комнаты, оставив Рахманинова наедине со своими мыслями.

Через несколько минут в комнату снова вошел Шаляпин. Но это был уже совсем другой человек. На узких плечах висел затрапезный пиджачишко, в угловатой фигуре, в неторопливых, как бы скованных движениях, чувствовалась какая-то зловещая обреченность. Он медленно прошел по комнате из конца в конец, жалкий, надломленный, изможденный, с потухшим взором, со следами страданий на бескровном лице. Неожиданно Шаляпин «сбросил маску» и подошел к Рахманинову.

— Вот, по-моему, что такое судьба,— сказал он.— Понял?..

Рахманинов влюбленными глазами взглянул на друга и ничего не ответил. Говорить он не мог — слишком велико было впечатление от этого чуда лицедейства.

— Бог с тобой, Федор,— после долгой паузы взволнованно сказал Рахманинов.— Очевидно, ты прав! Впрочем, с тобой опасно спорить: всегда придумаешь *такие* аргументы, против которых и возразить-то нечего...

И Рахманинов «благословил» Шаляпина на исполнение «Судьбы».

* * *

Эту историю рассказала мне Ирина Владимировна Ходнева — внучка знаменитого баритона Павла Акинфиевича Хохлова, первого и лучшего исполнителя партии Онегина, искусство и голос которого высоко ценил Шаляпин.

КАК Я „ЗАМЕНИЛ“ ШАЛЯПИНА

— Ладно! Если вы уж так настаиваете, я расскажу вам историю того, как я стал обладателем этой шаляпинской фотографии...

В 1913 году я учился на четвертом курсе вокального факультета Московской консерватории. Чтобы заработать на жизнь, пел в хоре в спектаклях Художественного театра, — «Гамлете», «Анатэме», «Царе Федоре Иоанновиче», «Синей птице»... Одним из руководителей музыкальной части театра был в то время композитор Николай Александрович Манькин-Невструев.

Накануне рождественских праздников собрал Манькин-Невструев нас, хористов, и объявил:

— Вот что, друзья мои, хочу организовать октет и разучить свою «Песню убогого странника»... Будем исполнять ее на святках в концерте в Литературно-художественном кружке, — со значительностью в голосе продолжал он. — Выучить надо как следует, потому что сольную партию согласился петь сам Федор Иванович Шаляпин!..

Приготовили мы эту «Песню», а тем временем наступили рождественские каникулы, подошел и день нашего выступления.

Зал кружка был переполнен до отказа. Среди известных всей России писателей, артистов, художников, композиторов выделялась величественная фигура Шаляпина. Он рассказывал

своим друзьям какую-то забавную историю, и его бас гудел, как колокол...

Перед началом концерта Маныкин-Невструев робко спросил Шаляпина, готов ли он выступить?

— Знаешь, я не могу сегодня петь, — неожиданно сказал Шаляпин. — Пойми и не обижайся: вчера пел спектакль, завтра у меня тоже спектакль... Устал я... Пусть кто-нибудь из твоих ребят споет за меня, а я посижу и послушаю...

Маныкин-Невструев огорчился.

— Федор Иванович, к сожалению, петь не сможет, — в растерянности проговорил он, подойдя к нам. — Прямо не знаю, что и делать!.. Придется спеть тебе, Вася...

Я обомлел, получив это предложение. Петь в хоре — еще куда ни шло! Но исполнить соло перед Шаляпиным, иначе сказать, *заменить* того, кому все мы поклонялись, — от этой мысли у меня волосы зашевелились на голове. Но я был молод тогда, горяч и смел. Я подумал и согласился: будь что будет! Однако смелости моей хватило только до того момента, когда надо было выходить на эстраду. Нарядно одетая публика, громадная елка, сверкавшая в центре зала, — все расплылось перед глазами. От волнения я не слышал своего голоса и никого не видел. Как я спел — не помню. Пришел в себя, когда раздались аплодисменты. Кланяясь, я заметил, что нам хлопал и Шаляпин.

После выступления нас пригласили за стол и даже поднесли выпить и закусить.

И случилось так, что за столом мы оказались рядом с Шаляпиным. Он сидел в центре, а мы, восьмеро, по бокам. Федор Иванович держался просто и скромно. Помню, он сказал Маныкину-Невструеву:

— Какой у вас в хоре хороший тенор, фамилия его, кажется, Яковенко?!

При этих словах кровь застыла у меня в жилах. Я все

ждал, что Федор Иванович похвалит и мой бас, но более он ничего не сказал.

Я набрался храбрости и обратился с просьбой:

— Федор Иванович, подарите нам свои фотографии... Какая бы это была память на всю жизнь!..

— Ну, что ж, — ответил он, — охотно подарю! Приходите ко мне завтра днем...

Мы посоветовались «всем миром», и меня уполномочили пойти к Шаляпину.

На следующий день я пришел к нему на Новинский. Дверь отворил сам Федор Иванович. Он узнал меня и, вспомнив о своем обещании, сразу же позвал слугу.

— Василий, — сказал Шаляпин слуге, — принеси фотографии!

Через несколько минут слуга доложил:

— Фотографий нет, Федор Иванович... Есть карточки...

— Ну давай карточки!

Шаляпин взял несколько портретов, посмотрел на них, подумал и, хотя нас было восемь, надписал только двум: мне и тенору Яковенко, который ему понравился...

— Звоните мне, когда вздумаете, — сказал, прощаясь, Шаляпин и, оторвав клочок бумаги, написал номер телефона: 269-91.

* * *

Через год Василий Васильевич Ведищев окончил консерваторию и стал оперным артистом. Он работал в опере Зимина, в Театре музыкальной драмы у Лапицкого в Москве, много пел и в провинции. Любимыми его партиями были Досифей в «Хованщине», Мельник в «Русалке», Гремин в «Евгении Онегине», Голова в «Майской ночи».

Уже давно Василий Васильевич расстался с театром, чест-

Портрет Ф. И. Шалыгина, подаренный им В. В. Ведищеву.
Надпись: «Василию Васильевичу
Ведищеву на память. Ф. Шалыгин».

но пройдя свой путь в искусстве. На склоне лет в часы одиночества и раздумий он обращается к старым театральным программам, журналам, газетам. Их ветхие страницы оживляют в памяти пережитые когда-то светлые минуты волнений и радостей. Он бережно хранит тот самый клочок бумаги, на котором Шаляпин написал номер своего телефона. На его письменном столе и по сей день стоит заключенный в рамку портрет Шаляпина. Глядя на него, он вспоминает свою молодость. А все, что связано с ней, разве может быть забыто?

В ГОСТЯХ У СТАРОГО МЕЛОМАНА

Пожалуй, ни один из великих артистов прошлого не обладал такой громадной армией восторженных почитателей, как Шаляпин.

В этом я лишний раз убедился, встретившись с инженером И. М. Штейном. Через всю свою долгую жизнь (недавно ему исполнилось 85 лет) он пронес любовь к искусству Шаляпина.

Мой разговор с этим старым московским меломаном, который слышал всех самых знаменитых певцов нашего века, происходил в доме № 5 на улице, носящей забавное название Пруд-Ключики, вблизи платформы Новая. День выдался жаркий, солнечный, мы сидели во дворе, превращенном в густой, тенистый парк. И. М. Штейн говорил увлеченно, и мне не нужно было «вытягивать» из него слова. Я чувствовал, что и сам он рад поговорить на тему, которая дорога его сердцу, и сообщить нечто такое, чего я не знал.

— Сказать, что я был страстным поклонником Шаляпина, значит ничего не сказать. Я боготворил его! При одной мысли, что я пойду на спектакль с участием Федора Ивановича, меня охватывало такое волнение, описать которое я не в силах.

Но достать билет «на Шаляпина» было нелегко и непросто.

В то далекое время репертуар Большого театра на ближайшие две недели вывешивался каждую пятницу. Продажа билетов начиналась утром в субботу. Но уже в четверг, после окончания спектакля, у кассы выстраивалась нескончаемо длинная очередь.

Не счесть ночей, проведенных в очередях за билетами! Коченя на морозном, вьюжном ветре, то и дело устраивая переключки, мы согревались горячими пирожками и горячим медком. Всю ночь то в одном конце очереди, то в другом слышались голоса торговцев:

— А вот пирожки горячие с мясом! А вот медок горячий! А ну, кому пирожков, кому медка! Ешь, пей, денег не жалеи!..

Разумеется, в продажу поступало билетов значительно меньше, чем было желающих, поэтому утром в субботу, перед открытием кассы, в голове очереди появлялся пристав в сопровождении двух городовых. Они приносили мешок с лотерейными билетами. Каждый, кто стоял в очереди, вынимал из мешка туго свернутую бумажку с колечком. Счастливцев, вытащивший бумажку с номерком, получал право купить билет. Вряд ли нужно говорить о том, какое чувство испытывал тот из нас, кто, простояв две ночи в очереди, оказывался неудачником и вытаскивал пустую бумажку...

Билеты, добытые с таким трудом, я хранил в образцовом порядке. С годами их накопилось довольно много. Мне доставляло удовольствие время от времени просматривать собранные

билеты, и тогда память в мельчайших деталях восстанавливала виденное и слышанное, и я как бы вновь переживал незабываемые минуты восторга, которые дарил Шаляпин своим искусством.

Я прослушал по несколько раз все оперы с участием Федора Ивановича, не только спектакли, в которых он исполнял центральные, «коронные» роли своего репертуара, но и оперы, в которых он пел маленькие, второстепенные партии: Томского, дона Базилио, Варяжского гостя, Варлаама, Гремина, Кончака. И вот что удивительно: стоило Шаляпину выйти на сцену хотя бы в «эпизоде», как он сразу же приковывал к себе внимание слушателей, «отодвигая» других исполнителей на задний план, ибо даже эпизодические партии он превращал в шедевры.

И чем больше я слушал его, тем сильнее становилось мое восхищение искусством этого гения.

Однажды на Сухаревском рынке, на развале у букиниста, я увидел маленький альбом любительских фотографий. Многие снимки запечатлели Шаляпина совсем еще молодого. Я не мог пройти мимо этого редкого альбома и, не раздумывая, купил его на последние деньги. В течение нескольких лет он был предметом зависти моих товарищей-студентов, таких же пламенных почитателей Шаляпина.

Началась первая империалистическая война, меня мобилизовали в армию и в качестве вольноопределяющегося первого разряда зачислили в маршевую роту. Ожидая со дня на день отправки на фронт, я как-то увидел афишу, взволновавшую меня необычайно: Шаляпин давал в Большом театре концерт, весь сбор с которого поступал в фонд «Лазарета имени Шаляпина».

Я метался по городу в поисках билета, но достать его не смог. А мне так хотелось — может быть, последний раз в жизни! — послушать Федора Ивановича. В отчаянии я решил: пойду

к Шаляпину, расскажу о своей неудаче и попрошу помочь приобрести билет.

Захватив заветную пачку театральных билетов и купленный на Сухаревке альбом, я отправился в полной военной форме в особняк Шаляпина на Новинский. Слуга долго не хотел впускать меня в дом, ссылаясь на то, что «Федор Иванович перед выступлением всегда молчат и не велят беспокоить». Отчаяние придавало мне силы, я не отступал и настойчиво просил передать Шаляпину, что я принес ему одну вещь и хочу непременно вручить ее лично.

Неожиданно в прихожую, где я препирался со слугой, вошел тот, кто был моим кумиром. Я испугался, оказавшись рядом с Шаляпиным, но вдруг почувствовал, что вместо меня родился какой-то другой человек, и вот тот другой человек смело сказал:

— Федор Иванович, я ваш горячий поклонник. Я ни разу не пропустил ни одного вашего выступления. Посмотрите, я храню билеты, которые покупал на ваши спектакли и концерты. Но на завтрашний концерт я не смог достать билет. На днях я уйду на фронт, может случиться, что никогда уже вас не услышу. Помогите!..

Произнеся сию тираду, я положил на стол пачку красных, синих, зеленых билетов.

Хмурое лицо Шаляпина посветлело.

— Все это хорошо, — проговорил он *mezza voce*, — но на завтрашний концерт и у меня билетов нет...

Я сделал вид, что не слышал его слов, и продолжал:

— Вот что я принес вам в подарок!

Шаляпин взял из моих рук альбом, перелистал его и восхищенно воскликнул:

— Да ведь это наш казанский семейный альбом!.. Ну и находка!.. Как он к вам попал?

— Купил на Сухаревке у какого-то букиниста, — ответил я.

Шаляпин, не выпуская альбома из рук, вынул из кармана бумажник, порылся и медленно протянул мне билет.

Вечером следующего дня я впервые в жизни сидел в пятом ряду партера.

* * *

Через двенадцать лет после отъезда Шаляпина за границу, я получил от него весточку. Эта весточка пришла из Каунаса. А «посредником» между мной и Шаляпиным была моя сестра, которая вместе со своим мужем руководила в Каунасе филармонией.

В 1934 году они пригласили Шаляпина на несколько концертов. Приехав в Каунас, Федор Иванович доверительно сказал сестре:

— Я принял ваше приглашение только потому, что мне безумно захотелось быть ближе к России, посмотреть ее природу и хоть немного подышать родным воздухом...

После заключительного концерта сестра устроила у себя в доме вечер в честь Шаляпина. Тогда-то она и рассказала ему обо мне, о том, каким горячим его поклонником я был.

Федор Иванович, тронутый рассказом сестры, оживился:

— А ведь я помню вашего брата, помню... Мне приятно, что у меня были такие преданные поклонники. Их надо ценить.

Немного подумав, Шаляпин вынул из бумажника свою фотографию и надписал: «Моему старому московскому поклоннику на память. Ф. Шаляпин».

— Пошлите, пожалуйста, этот снимок вашему брату, — сказал он.

Несколько минут спустя И. М. Штейн показал мне давний шаляпинский подарок — фотография была новая, как будто получена им только вчера.

Портрет Ф. И. Шаляпина, подаренный И. М. Штейну.
Надпись: «Моему старому московскому поклоннику на
память. Ф. Шаляпин».

НА ОРКЕСТРОВОЙ РЕПЕТИЦИИ

— В 1915 году в киевском театре Соловцова готовилась к постановке опера Масснэ «Дон Кихот».

На роль Дон Кихота пригласили Шаляпина.

Задолго до спектакля билеты были проданы, и меломаны с нетерпением ждали этого вечера.

Увертюра «Дон Кихота» начинается большим виолончельным соло.

Когда на оркестровой репетиции виолончелист сыграл соло, к чаше подошел Шаляпин.

— Вы очень плохо играете,— резко заметил он музыканту.— Ни души, ни сердца... Ремесло!..

В оркестре стало напряженно тихо.

— Играть его надо так,— продолжал Шаляпин и присел на край рампы.

И вдруг он запел.

Моисей Михайлович Бугачевский, бывший в то время в группе первых скрипок, прервал рассказ, на мгновение задумался и сказал:

— Если бы вы только слышали, как спел Шаляпин это соло! Казалось, пело само сердце... Более полувека я слышу этот голос и не могу его забыть.

Виолончелист повторил соло и вопросительно взглянул на Шаляпина.

— Ну, теперь вроде ничего,— буркнул он.

И оркестровая продолжалась.

КОНЦЕРТ В МАГАЗИНЕ

Не счесть комичных приключений и забавных историй, происходивших с Шаляпиным.

Вот одна из них.

Федор Иванович, приехав на несколько концертов в Берлин, встретил на улице известного дирижера Александра Борисовича Хессина. Они хорошо знали друг друга по Петербургу, и их отношения отличались неизменной доброжелательностью.

Шаляпин уговорил Хессина пойти с ним в магазин, помочь выбрать обувь.

Долго и придирчиво Шаляпин примерял то ботинки, то туфли, прицениваясь и отвергая одну пару за другой. Прошло довольно много времени, а он так и не мог подобрать то, что хотел.

— Пойдем в соседний магазин, Федор Иванович!— предложил Хессин, начавший уже тяготиться своей «миссией».

Но Шаляпин продолжал настойчиво требовать все новые коробки. Продавцы в недоумении поглядывали на элегантно одетого господина, искренне сожалея, что им не удастся удовлетворить его желание.

Когда терпению Хессина пришел конец, случилось невероятное: Шаляпин начал петь:

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой...

Он пел, казалось, для себя, не обращая ни на кого ни малейшего внимания.

Тотчас из кабинета выбежал перепуганный хозяин. Он

сразу узнал в этом покупателе знаменитого певца и застыл в восторженном изумлении.

Окончив петь, Шаляпин направился к выходу, но хозяин задержал его и, рассыпаясь в комплиментах, сказал:

— Вы оказали мне величайшую честь, герр Шаляпин, и я прошу принять в подарок две пары ботинок — самых красивых, самых модных, самых прочных...

Федор Иванович царственным жестом взял из рук хозяина две коробки и вышел.

— Ну, чем не гонорар, как ты думаешь, Александр Борисович? — спросил Шаляпин и озорно улыбнулся.

Хессин ничего не ответил, — он все еще не мог прийти в себя от шаляпинского «экспромта».

На следующий день газеты сообщили о концерте знаменитого русского баса в обувном магазине.

— Вот дурачье! — мрачно проговорил Шаляпин, прочитав «сенсацию». — Я ведь для себя пел!.. Просто страсть как захотелось петь!..

Некоторое время этот магазин был самым популярным в Берлине.

Хозяин с лихвой окупил затраты.

ДОРОГОЕ ДАЛЕКОЕ

После долгих и безуспешных попыток встретиться с Максимом Максимовичем Штраухом, одним из наших выдающихся драматических артистов, мне, наконец, удалось его повидать.

— Не удивляйтесь, что никто не отвечал на ваши телефонные звонки, — заметил он, узнав, что я чуть ли не ежедневно

*Портрет Ф. И. Шаляпина,
подаренный им М. М. Штрауху.
Надпись: «Максиму Штрауху на память. Ф. Шаляпин.
1916. Февр.».*

звонил ему. — Я ведь только вчера возвратился из довольно продолжительной поездки... Видите, какой везде дорожный беспорядок...

Когда некоторое время спустя я сказал, что меня интересуют его встречи с Шаляпиным и что именно «шаляпинская тема» привела меня к нему, Максим Максимович оживился и охотно согласился рассказать все, что помнит и знает о великом артисте.

Штраух выдвинул ящик письменного стола и бережно вынул из конверта портрет Шаляпина. Я прочел надпись: «Максиму Штрауху на память. Ф. Шаляпин. 1916. Февр.».

Держа в руках портрет, время от времени поглядывая на него, Максим Максимович говорил:

— Мне посчастливилось никогда не испытывать колебаний в выборе профессии: с детских лет я был «ушиблен» театром.

Решило мою судьбу первое посещение Большого театра — давали балет «Конек-Горбунок».

Потом я смотрел в Художественном театре «Синюю птицу», невероятно длинный спектакль, во время которого я заснул.

И, наконец, мою жизнь захватила опера, Шаляпин!

Но увлечение Шаляпиным пришло несколько позже.

* * *

В детстве у меня, моих двух сестер и у старших дочерей Шаляпина — Ирины и Лидии — была общая учительница музыки. Звали ее Эмилия Александровна Смирнова. Она задумала поставить силами своих учеников детскую оперетту «Грибной переполох» и поручила мне роль Рыжика. В спектакле были заняты также Ирина и Лидия Шаляпины.

Первые репетиции проходили в драматической школе артиста Художественного театра Адашева. Затем с нами репети-

рвала у себя дома жена Шаляпина — Иола Игнатьевна. Иногда на репетиции заглядывал Шаляпин. Спектакль прошел с большим успехом. Я не помню, сколько мне было тогда лет, кажется, восемь, а может-быть, девять или десять.

Так я познакомился с детьми Шаляпина и впоследствии нередко бывал у них в доме.

Однажды я услышал Шаляпина в опере. Это меня отравило. Началось необычайное, запойное увлечение его искусством. Я слушал одну и ту же оперу десятки раз и многие оперы знал наизусть.

Моим другом детства был сын известного русского писателя Николая Дмитриевича Телешева — Андрей. Мы подружились на даче в Малаховке, где жили наши семьи. Эта дружба не носила абстрактный характер, а основывалась на совершенно конкретном: мы были страстными «шаляпинистами», и общей любовью — моей и Андрея — был Шаляпин.

Из-за Шаляпина я плохо учился.

По вечерам передо мной возникала дилемма: делать уроки или идти на концерт Шаляпина?

Я шел слушать Шаляпина.

На следующий день, вызванный к доске, вернее, припертый к ней, я получал тройку, а случалось, и двойку, но я успокаивал себя тем, что слушал Шаляпина.

Шаляпин был для меня богом. Поражал не только голос, поражало гармоническое соединение в нем оперного певца и драматического артиста. Восхищала удивительная способность Шаляпина изменять окраску звука, его пластика, грим, мимический талант.

Мы с Андреем старались не пропускать ни одного спектакля с участием Шаляпина, будь то в Большом театре или в опере Зими́на. Наше увлечение Шаляпиным выражалось также в коллекционировании почтовых открыток с его портретами в ролях и в жизни, и мы соревновались в их приобретении.

С каким удовольствием, бывало, я говорил Андрею:

— Я достал открытку Федора Ивановича в роли Бирона, а у тебя ее нет!..

— А у меня смотри что есть!—в ответ на мои слова говорил Андрей и с гордостью показывал только что купленную открытку, которой у меня еще не было.

В это время во мне уже пробуждался актер. Я был любопытен и однажды «влез» в квартиру Шаляпина на Новинском. Я сидел в зале и видел, как Федор Иванович готовился к концерту. У рояля был Кенеман. Помнится, Шаляпин, просматривая груду нот, лежавших на рояле, бормотал:

— Это пойдет, это не пойдет! Это пойдет, это не пойдет!..

В дальнейшем я так осмелел, что пробирался в уборную Шаляпина и наблюдал, как он гримируется. Я нарисовал довольно удачную карикатуру на Шаляпина в роли Варлаама. Федор Иванович охотно подписал ее, и я отнес рисунок в журнал «Рампа и жизнь». Но карикатура не увидела свет: в редакции рисунок украли, потому что на нем был автограф Шаляпина. Зато две другие мои карикатуры на Шаляпина в ролях Олоферна и короля Филиппа были опубликованы в 1916 году в журнале «Рампа и жизнь»— мне только что исполнилось шестнадцать лет!

В ответ я получил от Шаляпина подарок: его портрет с дарственной надписью.

...Через четыре года я и Андрей пошли в «Эрмитаж» на «Паяцы» с Шаляпиным в партии Тонио. Андрей, который к этому времени стал неплохим фотолюбителем, попросил у Шаляпина разрешения сфотографировать его. Федор Иванович не возражал.

Андрей сделал несколько снимков.

Я помогал ему, исполняя обязанности осветителя.

Однажды вечером я мылся в ванной. Вдруг — телефонный звонок. Подбежал, мокрый, к телефону.

— К Карзинкину едет Федор Иванович! — сказал Андрей, волнуясь. — Приходи скорее!..

Александр Андреевич Карзинкин — родной брат жены Н. Д. Телешова — был крупным промышленником и меценатом искусства. Он жил с Телешовыми в одном доме: Телешовы — на первом этаже, а Карзинкин с женой — итальянской балериной Аделаидой Джури — на втором.

Я мгновенно выскочил из ванны, вытерся, оделся и помчался к Телешовым, благо было недалеко: мы жили на Чистых прудах, а Телешовы — на Покровском бульваре.

Было десять часов вечера, когда я прибежал к Телешовым, а ушел от них под утро.

Во время ужина Шаляпин сидел рядом со своим другом — знаменитым художником Ильёй Остроуховым. Мы с Андреем, не спуская глаз, смотрели на Шаляпина, взволнованные близостью того, кого боготворили.

Остроухов делал замечания Шаляпину по поводу исполнения им роли Олоферна.

— У тебя, Федор, слишком быстро происходит опьянение Олоферна, — говорил Остроухов. — Понимаешь, я не могу это объяснить, но мне кажется, ты уж больно торопишься... Так не бывает...

Шаляпин внимательно слушал и не обижался.

После ужина все перебрались в кабинет Александра Андреевича. Шаляпин рисовал автошаржи (делал он их быстро и блестяще), а мы с Андреем забирали его рисунки — листок за листком — и прятали их. У меня сохранилось несколько рисунков Шаляпина, добытых в тот вечер. Потом взрослые перешли в бильярдную: Шаляпин играл на бильярде, а мы по-прежнему

с благоговением смотрели на него, следя за каждым его движением.

Уезжал Шаляпин в пятом часу. Карзинкин на прощанье подарил ему бутылку какого-то очень дорогого рома. Шаляпин молча принял подарок и быстро сунул его в карман шубы.

Наступало утро. Я волновался: как он будет сегодня петь после бессонной ночи? Вечером я пошел в театр Зимина, где должен был выступать Шаляпин. Замечу кстати, что никогда нельзя было знать наверняка: будет он петь или нет? И не случайно в день спектакля с участием Шаляпина волновались все: начиная от директора и кончая капельдинерами, не говоря уже о меломанах.

Мои опасения оправдались: за час до начала оперы Шаляпин позвонил, сказал, что болен и петь не может.

И вот тогда я понял, что актеру перед спектаклем не следует ложиться спать в пятом часу утра.

Даже такому, как Шаляпин.

НА ВЗМОРЬЕ

Лев Никулин, хорошо знавший Шаляпина, рассказал мне следующий эпизод.

Сергей Уточкин — летчик и велосипедист, мотогонщик и пловец, которого боготворили одесситы, был в большой дружбе с Шаляпиным.

Федор Иванович не раз говорил, что он гордится дружбой с Уточкиным — человеком легендарной храбрости.

В свою очередь Уточкин восхищался талантом Шаляпина и не пропускал в Одессе ни одного его выступления.

Однажды Уточкин тренировался на взморье, готовясь к соревнованиям по плаванию.

Неожиданно сюда приехал Шаляпин в обществе каких-то дам и приятелей

Увидев Уточкина, Шаляпин подошел к нему.

— Ты, оказывается, здесь? — сказал он с сожалением. — А я хотел их удивить, показать, как мы, волгари, плаваем... Да, видно, не судьба... Разве тебя обскачешь? Сраму не оберешься!..

И, подмигнув, добавил:

— Полежал бы ты, Сережа, на бережку, пока я поплаваю...

Уточкин, понимавший толк в юморе, ответил, слегка заикаясь:

— Хор-рошо! Но с одним условием: в-вечером ты п-посидишь в ложе, а я вместо тебя с-спую М-мефистофеля... Со-гласен?..

ПОКЛОННИЦА

Мой старый полярный товарищ Борис Кремер, узнав, что я работаю над книгой рассказов о Шаляпине, сказал:

— Советую тебе познакомиться с моей тетушкой Марией Михайловной Никитской... Она — старая артистка... Живая, можно сказать, история... Чего только она не видела за свою жизнь, с кем не встречалась!.. Только торопись: ведь ей девяносто лет...

И вот я — в Тушине, в одном из новых домов. Звоню. Дверь открывает старушка — бодрая, словоохотливая, гостеприимная.

Я расспрашиваю ее о Шаляпине, а она говорит:

— Борис, должно быть, не сказал вам, что я не оперная актриса, а драматическая... Много лет играла в провинции. Шаляпина, конечно, слышала и не раз им восторгалась, но ничего особенного рассказать о нем не могу... А вот моя приятельница может быть вам полезной...

— А как с ней встретиться?

— Очень просто, — отвечает Мария Михайловна, набрасывая на плечи пуховый платок. — Поднимемся на лифте на шестой этаж, и я вас представляю...

Через несколько минут я уже входил в маленькую комнату Марии Васильевны Волконской. Первое, что бросилось в глаза, — портреты Шаляпина и Рахманинова. Они висели на стенах, стояли на старинном комод, на письменном столе.

Все эти фотографии, как я узнал позже, были сделаны в свое время самой Марией Васильевной.

* * *

Мария Васильевна никогда не принадлежала к актерскому миру. Но всегда была любительницей оперного искусства. В «эпоху Шаляпина» — мы вправе так именовать время, когда блистал великий артист, — она была «записной» поклонницей Шаляпина и не пропускала ни одного спектакля или концерта с его участием.

Но в отличие от многих, таких же, как она, страстных почитателей Шаляпина, Мария Васильевна имела счастье некоторое время наблюдать Федора Ивановича в повседневной жизни. Память этой пожилой женщины хранит множество мелких штрихов, которые помогают «дорисовать» хотя и знакомый, но все еще до конца не написанный портрет Шаляпина.

*Ф. И. Шаляпин на балконе виллы Капри.
Ессентуки. 1916 год.
(Фотография М. В. Волконской).*

* * *

— Летом 1916 года я приехала лечиться в Эссентуки. Жила на вилле Капри, а «столовалась» в пансионе, который держал хорист Большого театра Фигуров. Вскоре в Эссентуки приехал Шаляпин, а с ним — Рахманинов, дирижер Кузевецкий, певица Нина Кошиц. И все они поселились в пансионе Фигурова.

Там я и познакомилась с Шаляпиным.

Веселый и общительный, Федор Иванович был душой нашей маленькой компании. Однажды за обедом он стал изображать женщину, сидящую перед зеркалом: вот она смотрится в зеркало, охорашивается, затем, не торопясь, вынимает из волос шпильки, расчесывает волосы и вновь закалывает их шпильками.

Не было ни зеркала, ни шпилек, ни гребешка — был только Шаляпин. Но какое богатство мимики и жеста! Как тонко, изящно и, я бы даже сказала, грациозно проделывал Шаляпин эти манипуляции! Глядя на него, мы покатывались со смеху.

* * *

Нередко Федор Иванович и Рахманинов заходили ко мне в гости на виллу Капри. В моей комнате была терраса, выходящая в сад. В нем было множество цветов, в особенности, вьющихся роз. К приходу моих друзей на террасу ставился самовар: Федор Иванович любил пить чай только из самовара.

Шаляпин забавлял нас бесконечными рассказами из своей жизни — грустными и веселыми, трагическими и комичными. Мы слушали эти рассказы буквально не переводя дыхания. С величайшим вниманием слушал Шаляпина и Рахманинов, который боготворил Федора Ивановича и всегда смотрел на него влюбленными глазами. Однажды Рахманинов воскликнул с искренней непосредственностью:

— Федя, ты сам не знаешь, до чего ты хорош!..

* * *

Рахманинов, Кусевицкий и я отправились на прогулку к горе Бештау.

По дороге Рахманинов вдруг остановился и серьезно спросил Кусевицкого:

— А как вы думаете, был бы Шаляпин великим артистом, если бы он потерял голос?

Кусевицкий ответил не задумываясь:

— Мне кажется, что именно сочетание великого актера и великого певца и делает Шаляпина тем, что он есть.

— Я решительно с вами не согласен, — резко возразил Рахманинов. — Если бы Федор потерял голос, он все равно остался бы гениальным артистом.

* * *

Как-то Федор Иванович пригласил меня посмотреть земельный участок с небольшим домиком, продававшийся где-то за Тополиной аллеей. Мы пришли, посмотрели, и, так как ничего хорошего этот участок собой не представлял, я отсоветовала Федору Ивановичу покупать его. На обратном пути мы говорили об опере, Шаляпин охотно рассказывал о работе над новыми оперными партиями, восторженно отзывался о Рубинштейне, которого горячо любил.

— Кто меня не слышал в «Демоне», — сказал он, — тот меня не знает...

* * *

Зимой 1916 года я пригласила Федора Ивановича к себе на чашку чаю. Узнав об этом, мои друзья и знакомые напросились в гости. По этому поводу кто-то из друзей сострил:

— У некоторых бывают свадьбы с генералом, а у вас — чай с Шаляпиным!

За столом против Федора Ивановича сидела моя приятельница. Она держала себя очень аффектированно. На ее черном бархатном платье от шеи шел длинный узкий вырез.

Шаляпин долго и пристально разглядывал ее и вдруг спросил:

— Скажите, какой портной разрезал вам платье?

* * *

В 1921 году я была на концерте Шаляпина в Большом зале консерватории. Ходили слухи, что этот концерт — последний, что скоро Федор Иванович уезжает за границу.

В этот вечер Шаляпин пел как никогда. Овациям, «бисам», вызовам, казалось, не будет конца.

В первом ряду сидела Айседора Дункан. Красная от волнения, возбужденная, она, стоя, громко аплодировала и без конца повторяла:

— Это — не артист, это — дьявол!.. Настоящий дьявол!.. Дьявол!..

В антракте я навестила Шаляпина в артистической комнате и вышла от него с горячей его поклонницей — Верочкой Фирсановой.

— Я чувствую, что больше никогда не увижу Федора Ивановича и не услышу! — со слезами в голосе сказала она.

Мне подумалось, что Верочка ошибается, но она оказалась права.

* * *

Когда Федор Иванович уже довольно продолжительное время жил за границей, я случайно встретилась в одном знакомом доме с известным музыкально-общественным деятелем

*Б. Б. Красин (справа) и С. И. Тутельман
в гостях у Ф. И. Шаяпина в Париже.*

Борисом Борисовичем Красиным — большим почитателем и другом Шаляпина.

— Я был у Шаляпина в Париже, — рассказывал Борис Борисович. — Не раз уговаривал его вернуться на Родину, по которой Федор Иванович жестоко тосковал. Шаляпин обещал и даже назначал сроки приезда, но какие-то силы властно удерживали его за границей, и он так и не приехал. В последние годы жизни Федор Иванович очень изменился: стал замкнутым и мрачным. В разговорах с ним я чувствовал, что он скрывает от всех свои мысли и никому не хочет открывать внутренний мир...

* * *

Я уходил от Марии Васильевны с подарком: портретом Шаляпина, сделанным ею в Ессентуках, на вилле Капри.

„РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕСНЯ“

Шаляпин отличался разносторонней и необыкновенной одаренностью: великий певец и великий артист, он был талантливым художником, скульптором и поэтом. А однажды он испытал свои силы и в композиции, сочинив не только слова, но и музыку «Революционной песни».

В музее Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова среди множества шаляпинских фотографий, любовно сохраненных сотрудниками музея во время блокады, попалась

мне на глаза репродукция автографа Шаляпина – первая музыкальная фраза его «Революционной песни».

Я долго смотрел на эту фотографию, и невольно вспомнил письмо Шаляпина дочери Ирине Федоровне, посланное 21 марта 1917 года:

«...Совершенно не претендуя на лавры литератора и композитора, я тем не менее написал, кажется, довольно удачную вещь,.. которую, в первый раз выступая перед публикой после революционных дней, в первый же раз буду исполнять в воскресенье 26 марта, днем... в Мариинском театре... С этой вещью, как, впрочем, и со всем вообще, я имел уже порядочно неприятностей... но что ж делать, я не унываю. Потому, что проделки всех завистников и разнообразны и бесчисленны, думаю, что им не будет конца...»

Этот эпизод из жизни Шаляпина не нашел достойного отражения в литературе, а потому мало известен. Вот почему мне захотелось рассказать о нем более подробно, пользуясь мемуарами б. коменданта академических театров В. Беспалова.

Шаляпин всем сердцем принял Февральскую революцию, хотя и не понимал ни ее сущности, ни значения для дальнейших судеб страны. Но он искренне радовался тому, что насквозь прогнивший самодержавный строй рухнул и что солнце свободы взошло, наконец, над его многострадальной Родиной.

Вскоре после падения царизма в Мариинском театре было созвано широкое совещание, на котором присутствовали выдающиеся деятели театра, музыки и литературы. В «фойе Направника» собрались А. М. Горький, В. Э. Мейерхольд, Ф. И. Шаляпин, А. К. Глазунов, Ю. М. Юрьев, Н. Н. Черепнин, Л. Н. Андреев, А. И. Зилоти, А. К. Коутс и многие другие.

Основным вопросом, стоявшим в повестке дня, был вопрос о создании всероссийского гимна.

Участники совещания оказались в крайнем затруднении: кому заказать стихи, кому поручить написать музыку?

После долгого молчания — никто не решался заговорить первым — слово попросил Шаляпин.

— Я хочу предложить гимн, — сказал он. — Слова и музыка написаны мною...

Такой неожиданный оборот дела поразил присутствующих. А Шаляпин между тем, не дав никому опомниться, обратился к дирижеру Альберту Коутсу:

— Альберт, садись к роялю... Я спою...

И вот уже полился голос Шаляпина... Он пел с необычайным воодушевлением и внутренней экспрессией, приковав внимание всех к своему сочинению.

Окончив петь, Шаляпин вопросительно взглянул на Глазунова, как бы ища поддержки у знаменитого композитора.

— Я предлагаю, — сказал Александр Константинович, — обсудить вопрос об этом произведении в отсутствие автора.

Шаляпин покорно вышел.

И снова воцарилось молчание — чувствовалось, что исполнение Шаляпина произвело на участников совещания сильное впечатление.

— Ну, какая же это музыка? — после длительной паузы недовольным голосом проговорил Глазунов. — А слова?.. Правда, Федор может спеть все, что угодно, и это будет прекрасно, но, согласитесь, ведь это же — верх дилетантизма...

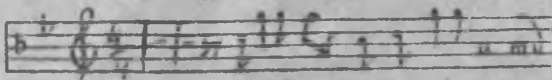
— Я нахожу это сочинение просто неинтересным, — поддержал Глазунова Черепнин.

Глазунову и Черепнину никто не стал возражать, и, когда Шаляпин вошел в зал, Александр Константинович честно и прямо высказал ему все, что он думает о его «Революционной песне». Шаляпин взорвался:

— Если вы не разрешите мне исполнить мой гимн в театре 26 марта на митинге солдат Преображенского полка, — решительно заявил он, — то я выйду на Марсово поле и там спою его под открытым небом!..

Революционная пѣсня

слова и музыка Ф. ШАЛЯПИНА

A handwritten signature in cursive script, which appears to read 'Ф. Шаляпин'. The signature is written in dark ink and is positioned below the musical notation.

Къ оружію Граждане, къ знаменамы!
Свободы стяг нести впередь!...
Во славу Русскаго народа,
Пусть врагъ падеть.
Пусть врагъ падеть!!!

Автограф «Революционной песни»
Ф. И. Шаляпина.

Ни Глазунов, ни другие участники совещания не захотели вступать в пререкание с Шаляпиным. Они хорошо знали его нрав: Шаляпин сделает так, как сказал. К тому же, подумали они, *исполнение* Шаляпина с лихвой компенсирует поэтические и музыкальные недостатки его сочинения.

После того как совещание закончилось и какого-либо определенного решения не было принято, к Шаляпину обратились Зилоти и Коутс.

— Дай мне твою песню, — предложил Зилоти, — я распишу ее по голосам и разучу с хором.

— А я инструментую, — сказал Коутс.

...26 марта в Мариинском театре Шаляпин под аккомпанемент оркестра Мариинской оперы, усиленного духовым оркестром Преображенского полка и в сопровождении хора исполнил свою «Революционную песню».

По словам В. Беспалова, присутствовавшего на этом митинге-концерте, «Шаляпин с мощным подъемом спел свой гимн и вызвал у переполненного зала бурю оваций, совершенно не поддающихся описанию».

Но, прозвучав только один раз, это сочинение Шаляпина больше никогда не исполнялось.

РЯДОВОЙ СПЕКТАКЛЬ

Счастливый случай свел меня в Ленинграде с Леонидом Васильевичем Экскузовичем — братом бывшего управляющего академическими театрами Петрограда и Москвы Ивана Васильевича Экскузовича.

Едва я переступил порог его комнаты, как сразу же по-

чувствовал предупредительность и гостеприимство, свойственные старым петербуржцам. Влюбленный в театр, в музыку, в искусство, Леонид Васильевич, живя в одной квартире с братом, был свидетелем многих его встреч с Луначарским, Направником, Глазуновым, Коутсом, Шаляпиным, Собиновым, и воспоминания об этих встречах живы в нем до сих пор.

На мою просьбу сообщить какой-либо примечательный эпизод из жизни Шаляпина, Леонид Васильевич в нерешительности сказал:

— Что я могу добавить к тому, что уже сказано и написано об этом великом артисте?! Правда, я хорошо знал Шаляпина, много раз видел его на сцене, наблюдал и в домашней обстановке, когда он приходил в гости к брату и часами пел под аккомпанемент известного дирижера и отличного пианиста Даниила Ильича Похитонова... И тем не менее мне трудно сразу вспомнить что-то значительное. Впрочем, я расскажу вам маленький эпизод, теперь уже начисто забытый. В нем, как мне кажется, особенно ярко проявилась гипнотическая сила шаляпинского гения.

* * *

1918 год, зима.

Только что, пробившись сквозь льды Финского залива, прибыла из Свеаборга в Петроград военная эскадра.

Вечером Мариинский театр был отдан матросам, совершившим этот длительный и тяжелый «ледовый поход».

Театр давно не отапливался, в нем было холодно, и вооруженные матросы в бескозырках и бушлатах, перепоясанные пулеметными лентами, заняли партер и все ложи.

Давалась «Псковитянка» с Шаляпиным в партии Ивана Грозного.

Перед началом спектакля И. В. Экскузович вошел в ди-

ректорскую ложу. Внимательно оглядев необычную для Мариинского театра аудиторию, он волнуяще-озабоченно сказал дирижеру:

— Неподходящий спектакль мы выбрали... Совсем неподходящий... Не знаю, как его примет публика...

— Что вас смущает, Иван Васильевич? — спросил дирижер.

— Как что? — удивился Эскузович. — Посмотрите, кто сидит в зале!.. Людям, свергнувшим царизм, мы снова будем показывать... царя!..

Началась увертюра. Моряки с видимым безразличием слушали музыку и безучастно следили за развитием действия; кое-кто украдкой вынимал из карманов бушлата куски хлеба и, пожевывая его, поглядывал на сцену.

Но вот верхом на белом коне появился Шаляпин — Грозный. На полном скаку он осадил коня у самой ramпы. Из-под нависшего шлема он вперил в зрительный зал тяжелый свинцовый взгляд, не произнеся ни слова. В этом взгляде отразились жестокость, злоба, трусость, подозрительность.

По залу пробежала электрическая искра. Она воспламенила публику. Теперь уже матросы не замечали никого, кто находился на сцене — ни Токмакова, склонившегося с хлебом-солью, ни дочери Грозного — Ольги, ни именитых псковичей, застывших в почтительном преклонении.

Центр внимания сосредоточился на Шаляпине.

Несколько секунд длилась эта напряженная сцена и неожиданно, точно лавина, обрушилась овация.

Пять раз поднимался занавес, пять раз матросы неистово аплодировали Шаляпину, а он продолжал неподвижно сидеть на коне с тем же тяжелым свинцовым взглядом, устремленным в зал.

С этой минуты Шаляпин окончательно покорила публику и полностью подчинил ее себе.

Фотография Ф. И. Шаляпина, подаренная им управляющему академическими театрами И. В. Экскузовичу.
Надпись: «Милому Ивану Васильевичу Экскузовичу
в знак искренней симпатии
и уважения. Ф. Шаляпин. 1918. Авг. Петроград»

СЕАНС ГИПНОЗА

Вскоре после того, как Мариинский театр перестал именоваться Императорским, актеры создали так называемую «Корпорацию артистов-солистов». Эта «Корпорация» ставила своей целью привлечь артистов к участию в общественной жизни и обсуждению различных творческих вопросов, связанных с деятельностью театра.

Председателем «Корпорации» был избран баритон П. З. Андреев, его заместителем — бас П. Я. Курзнер, секретарем — баритон Е. Г. Ольховский.

Шаляпин, будучи первым «красным» управляющим и художественным руководителем театра, решил поставить оперу Серова «Вражья сила».

Артисты скептически отнеслись к замыслу Шаляпина.

— Не такая это уж замечательная опера!— говорили они. Тем не менее репетиции начались.

Во время одной из репетиций Шаляпин заметил Андрееву — исполнителю партии Петра:

— Павел, ты же играешь русского купца, а образа-то — никакого!.. Неужели ты не понимаешь, кого поешь?..

Андреев обиделся, ушел с репетиции и заявил, что с Шаляпиным петь не будет.

На следующий день Федор Иванович резко сказал двум тенорам-компримариям:

— Пойте форте!.. Вы все время поете пиано, когда вас и в форте-то не слышно!..

Затем он придрался к меццо-сопрано Самариной, исполняв-

шей партию Груни, упрекнув ее в том, что она вяло и неохотно выполняет его режиссерские указания.

А несколько позже Шаляпин стал критиковать все мизансцены балета, поставленного Преображенской. Она тут же подала заявление об уходе из театра.

Каплей, переполнившей чашу терпения артистов, была стычка Шаляпина с дирижером Якобсоном. Он дирижировал оперой «Алеко», которую ставил Шаляпин и в которой пел за главную партию.

— Положите палочку! — сказал Шаляпин. — Они, — Федор Иванович указал на оркестрантов, — сами сыграют лучше!..

«Корпорация» обсудила неэтичные поступки Шаляпина и решила обратиться к нему с письмом.

— И представьте, — рассказывал мне Ольховский, — это письмо, как бывший юрист, должен был написать я! Долго корпел я над текстом, придумывая обороты, изощряясь в выражениях, чтобы неосторожным словом не обидеть Шаляпина и не задеть его самолюбия. Помню, в письме было сказано, что все артисты глубоко скорбят по поводу того, что в последнее время атмосфера в театре омрачилась в результате ряда некорректных поступков Шаляпина. Заканчивалось письмо пожеланием, чтобы Федор Иванович урегулировал свои отношения с коллегами.

Но сочинить письмо означало только половину дела. Кто отважится вручить его Шаляпину?!

Выбор пал на Курзнера и на меня. Кстати сказать, нам стало известно, что Шаляпин в курсе предпринятой «акции». Тем более рискованной представлялась нам поездка к нему.

Но если бы мы знали, что нас ожидало?!

Встретил нас в бухарском халате сам Шаляпин.

— О, дорогие друзья мои! — воскликнул Федор Иванович и, расцеловав, пригласил в гостиную. Не прошло и нескольких минут, как на столе появились дорогие вина и изысканные по тому трудному времени блюда.

Шаляпин не дал нам даже рта открыть. С места в карьер он стал рассказывать различные истории из своей жизни. Он говорил об уроках пения у Усатова, о первых выступлениях в Тифлисе, о триумфах, которыми сопровождался его гастроль за границей, о встречах со знаменитыми певцами и дирижерами. Он говорил ярко, увлекательно, с присущим ему юмором, сопровождая рассказы мимикой и жестами.

Прошло уже часа два, как мы сидели у него, а приступить к делу так пока и не смогли.

Шаляпин был в этот день прост, обаятелен и дьявольски остроумен. Он обворожил нас. Подливая вино и угощая, он продолжал рассказывать о своих замыслах, рисовал заманчивые планы работы театра, говорил о новых постановках...

Мы слушали его, что называется, затаив дыхание, не рискуя перебить, — так это было очаровательно и интересно.

Прошел еще час, а он все говорил, говорил, говорил...

В гостиную вошла его жена — Мария Валентиновна.

— Федор! — сказала она строго. — У тебя завтра спектакль. Помолчи!..

Услышав эти слова, мы тут же оделись, простились и ушли, унеся с собой... письмо.

Выйдя на улицу, Курзнер с досадой плюнул в снег.

— Ну, что ж ты не передал письмо? — спросил он.

— А ты почему не передал? — ответил я вопросом.

— Он загнипотизировал нас, как кроликов! — мрачно пробасил Курзнер.

Мы пришли в театр, вызвали курьера, он тут же отвез письмо и вручил его лично Шаляпину.

Вечером в театр приехал Шаляпин. Он был расстроен и удручен. Встретив за кулисами Самарину, Федор Иванович подошел к ней, поцеловал руку и сказал:

— Голубушка, простите меня ради всего святого! Вы обиделись на меня... Да разве я хотел вас обидеть?!

Затем он извинился перед Преображенской, перед Якоб-соном, перед тенорами-компримариями.

Пробовал он извиниться перед Андреевым, но Андреев — крепкий орешек — не захотел с ним говорить.

Правда, через два месяца инцидент и с Андреевым был прочно забыт, и он пел во «Вражьей силе», и спектакль прошел с огромным успехом.

Но главный успех выпал, конечно, на долю Шаляпина, который пел и играл, как бог...

„ДВА ФЕДОРА“

В концертах Шаляпина почти всегда принимал участие его неизменный аккомпаниатор, талантливый пианист и композитор Федор Федорович Кенеман.

Они познакомились в самом начале своего творческого пути: Кенеман незадолго перед этим окончил с золотой медалью Московскую консерваторию, а Шаляпин, поддержанный Саввой Мамонтовым, уверенно поднимался по лестнице актерской славы. Оба пришлось друг другу по душе, сдружились, и дружба двух этих художников продолжалась без малого четверть века.

Великолепный ансамблист, Кенеман чутко улавливал музыкальные желания Шаляпина. Его пение всегда находило тончайшие нюансы в аккомпанементе Кенемана. Совместные их выступления являли несравненное единое целое и демонстрировали не только удивительную слаженность и ритмичность, но и подлинное художественное содружество.

Недаром их называли: «Два Федора».

Кенеман обработал для Шаляпина несколько любимых им русских народных песен: «Эй, ухнем», «Во субботу, день ненастный», «Потеряла я колечко», «Вдоль по Питерской», «Через речку, речку быстру» — великолепные песни, которые Шаляпин исполнял во всем мире с необыкновенным успехом.

Влюбленный в стихи Марии Конопницкой, Кенеман задумал положить на музыку ее балладу «Как король шел на войну...»

Он писал это произведение, охваченный страстным творческим порывом, а когда окончил, посвятил сочинение Шаляпину.

...Первая проба баллады по рукописи. Шаляпин пристально всматривается в ноты и чуть слышно напевает. Просматривает второй раз и напевает вполголоса.

Кенеман внимательно наблюдает за выражением лица Шаляпина, стараясь угадать его настроение.

— Начнем, Федя! — вдруг против всех ожиданий Кенемана предложил Шаляпин.

Кенеман, волнуясь, сыграл вступление.

А когда он услышал голос Шаляпина, его интерпретацию баллады, у Кенемана сжалось горло и на глазах появились слезы.

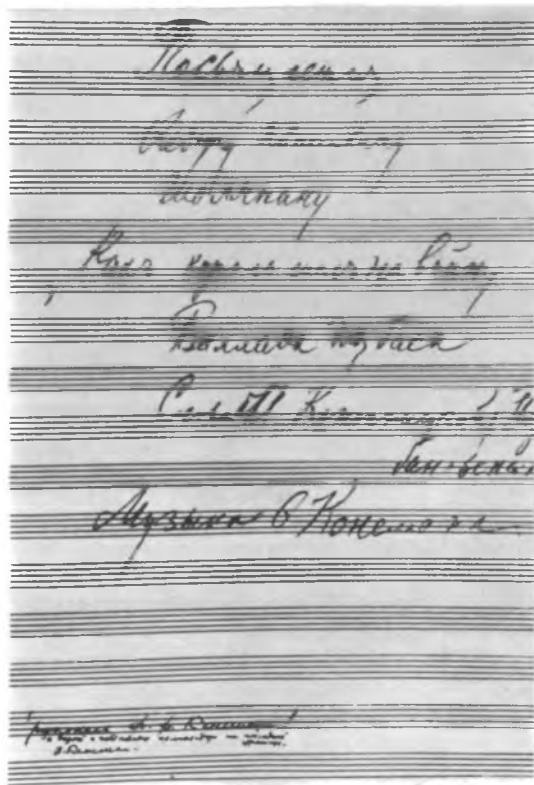
Окончив петь, Шаляпин порывисто обнял Кенемана.

— Ну, как, Федя, угодил? — спросил он.

С трудом преодолев волнение, Кенеман крепко сжал руку Шаляпина и ответил едва слышно:

— Спасибо, Федя!.. Это — неоценимо... Ты так пел, что я не узнал своего сочинения... Ничего подобного я не писал!..

— То-то же, милый друже! — довольный авторской оценкой, сказал Шаляпин и, помолчав, глядя в глаза Кенемана, добавил: — А теперь понесем твою балладу людям!..

Первая страница рукописи баллады Ф. Ф. Кенемана
«Как король шел на войну...»,
посвященной Ф. И. Шалыпину.

* * *

Появление в репертуаре сочинения своего друга Шаляпин отметил памятным подарком: он преподнес Кенеману серебряный портсигар, выгравировав на крышке такую надпись:

«Милому Феде Кенеману — Ф. Шаляпин. 18/IV 99 г.»

Передавая портсигар, Шаляпин сказал:

— Помни, друже Федя, я всегда с тобой!..

С того дня Федор Федорович никогда не расставался с подарком Шаляпина и берег его, как дорогую реликвию. Когда Кенеман перестал курить, портсигар по-прежнему был с ним — он носил шаляпинский подарок во внутреннем кармане пиджака.

...О любви Шаляпина к балладе Кенемана свидетельствует такой факт: на первой пластинке, которую он напел в 1902 году, было записано именно это произведение.

* * *

Однажды Шаляпин репетировал на дому у Кенемана произведения Мусоргского.

Время от времени Федор Иванович поглядывал на часы, очевидно, боясь куда-то опоздать.

Но, работая с увлечением, Шаляпин нередко забывал обо всем на свете...

Когда большие настенные часы пробили семь, Шаляпин вдруг замолчал, не закончив даже музыкальную фразу. Несколько секунд он простоял в нерешительной растерянности, затем мрачно проговорил:

— Дьявольски опоздал... Не исправишь...

Повернулся к Кенеману и твердо сказал:

— Продолжим, Федя... Семь бед — один ответ... Начнем сначала...

*Ф. И. Шаляпин и Ф. Ф. Кенеман играют в бирюльки.
Дружеский шарж художника А. Новицкого.
Рисунок сделан на даче Кенемана в Пушкине,
под Москвой.*

В 1922 году Шаляпин уехал за границу. Вскоре он прислал Кенеману телеграмму, в которой просил его приехать для совместных концертных выступлений. Кенеман, с согласия Наркомпроса, выехал за границу осенью 1922 года и в течение двух лет концертировал с Шаляпиным в Европе и Америке.

...Во время гастролей в Париже, в один из немногих дней, свободных от репетиций и концертов, Кенеман решил осмотреть парижское кладбище.

Неожиданно Федор Федорович споткнулся об угол осевшей в землю надгробной плиты. Кенеман взглянул на надпись и отступил в почтительном благоговении: Патти!

Вечером в отеле Шаляпин и Кенеман заговорили о жизни и смерти.

Федор Федорович, не скрывая страха перед смертью, уверял, что он больше всего боится не смерти, как неизбежного конца всего живого, а *забвения*.

— Подумай, Федя,— говорил Шаляпин,— после архитектора, художника или писателя остаются их произведения... А что останется после нас, певцов? Ничего!.. Страшно, не правда ли?

Кенеман как будто без всякой видимой связи со словами Шаляпина рассказал ему, что днем, осматривая кладбище, он случайно нашел могилу Патти.

Федор Иванович взволновался и замолк.

Дня через два Шаляпин и Кенеман, захватив несколько больших букетов цветов, приехали на кладбище. Они подошли к могиле, сняли шляпы и молча опустили на колени. Потом убрали могилу цветами и ушли.

Вдруг Шаляпин обернулся и, глядя на могилу, сказал с каким-то особенным состраданием:

— Патти!.. Невероятно!.. Невероятно!..

Заброшенность могилы Патти, может быть, напомнила ему разговор с Кенеманом и подтвердила его мысль о неотвратимости смерти, о бренности всего сущего, о том, что «все проходит...»

* * *

Шаляпин забыл зонт в вестибюле концертного зала в Нью-Йорке.

Вспомнил о нем только вечером.

На следующий день после репетиции Шаляпин предложил Кенеману погулять по городу, а заодно проверить, цел ли зонт или его уже кто-нибудь «увел»?

— Посмотрим, как в Америке? — сказал, улыбаясь, Шаляпин.

Войдя в вестибюль, они сразу же увидели — зонт стоит на том же месте.

Шаляпин подошел к нему и, шутливо поклонившись, проговорил:

— Извини, брат, что заставил себя долго ждать!..

На обратном пути Шаляпин и Кенеман попали под сильнейший дождь.

— А ведь не зря мы зашли за зонтиком, Федор Иванович! — заметил Кенеман.

— Да, Федя, старый друг лучше новых двух! — с улыбкой ответил Шаляпин и раскрыл зонт.

* * *

Новый, 1924 год застал Шаляпина и Кенемана в Нью-Йорке, где они давали концерты.

Федор Иванович жил в отеле, а Кенеман со слугой Шаляпина — китайцем Василием — на частной квартире.

Задолго до новогоднего вечера Шаляпин получил множество приглашений на встречу Нового года. Звали его и знаменитые артисты, и миллионеры — владельцы банков и промышленных компаний, — всем лестно было видеть у себя в этот вечер великого русского певца.

— Никуда и ни к кому не пойду! — решительно сказал Шаляпин Кенеману. — Ну их всех к черту!.. Встретим с тобой вдвоем... Только ты уж, пожалуйста, Федя, купи елку... Найди елочку нарядную, ветвистую, разлапистую... Хочется встретить Новый год по-русски, как когда-то мы встречали в Москве...

Елку купили на славу, и Кенеман с Василием начали ее убирать. Часов в одиннадцать явился Шаляпин, радостно-взволнованный, в растегнутой меховой шубе.

— Украсили? — спросил он, сбрасывая шубу.

— Еще не всю, — ответил Кенеман.

— Вот и хорошо... Будем украшать вместе...

Наконец, елка была обряжена, зажглись свечи, Василий поставил самовар. Распили бутылку вина, потом чаевничали и пели песни до утра.

Слышал бы кто-нибудь, как пел Шаляпин в ту новогоднюю ночь! Как проникновенно, с какой удалей и задушевностью звучали русские народные песни!..

— А знаешь, — вдруг, прерывая пение, сказал Шаляпин, обращаясь к Кенеману, — есть на Арбате домик с мезонином, маленький такой домик в одном из переулочков... Эх, Федя, сколько бы я дал сейчас за то, чтобы хоть на минутку очутиться на Арбате!..

* * *

Эти правдивые и бесхитростные рассказы я услышал из уст Александры Владимировны Кенеман.

Вот уже более трех десятилетий она трогательно хранит

**В настоящую минуту
одним великим
художником у нас
больше.**

**Боже, какой
великий талант!**

В.В.СТАСОВ

память о своем муже. Ей 'бесконечно дорого все, что касается жизни Федора Федоровича, его сочинений, его работы и дружбы с Шаляпиным.

Я отдаю на суд читателей записанные мною рассказы, ничего в них не приукрашивая и не изменяя: не стоит «поправлять» жизнь. К тому же никакое воображение не в состоянии придумать лучше, чем это делает жизнь.

ТРИ ТЫСЯЧИ ФОТОГРАФИЙ

Покровский бульвар, 18...

В этом небольшом двухэтажном доме долгие годы жил старейший русский писатель Николай Дмитриевич Телешов — организатор знаменитых литературных «сред», создатель музея Художественного театра. Здесь он и умер, не дожив нескольких месяцев до своего девяностолетия.

Много памятных, светлых часов провел я в обществе Николая Дмитриевича, и воспоминания о них живы во мне до сих пор. Помню яркий рассказ Телешова о том, как однажды в его кабинете пел Шаляпин под аккомпанемент Рахманинова, помню неподдельно-искренние рассказы о Чехове и Горьком, Бунине и Куприне, с которым Телешова соединяла сердечная дружба.

После смерти Николая Дмитриевича связь моя с его семьей не оборвалась. Время от времени я навещал сына писателя — Андрея Николаевича, тихого и задумчивого человека, свято чтившего память отца: он привел в порядок богатейший лите-

*Ф. И. Шалыгин и Н. Д. Телешов.
Редкая фотография.*

ратурный архив Николая Дмитриевича, организовал в его кабинете мемориальный музей и подготовил к печати ряд произведений Телешова.

...Когда Андрею Телешову исполнилось двенадцать лет, он впервые услышал Шаляпина. Давали «Бориса Годунова». Впечатление было столь ошеломляющим, что с того дня он на всю жизнь полюбил Федора Ивановича и остался верен этой любви.

Впоследствии Андрей Николаевич часто видел Шаляпина, когда, бывало, он приезжал к его отцу либо в гости, либо на «среды», нередко слышал Шаляпина в спектаклях и концертах.

Тогда же к нему пришла мысль собирать шаляпинские фотографии.

Один, два, три, четыре, пять — двадцать альбомов, один за другим, выкладывает на стол Андрей Николаевич. Я просматриваю фотографии, и от альбома к альбому растет мое почтительное удивление настойчивым страстным трудом собирателя.

Три тысячи фотографий Шаляпина!

Три тысячи фотографий великого артиста в жизни, в ролях, в изобразительном искусстве... Среди фотографий — уникальные снимки, сделанные в 1916 и 1918 годах самим Андреем Николаевичем, когда Шаляпин с семьей жил на даче Телешовых в Малаховке; снимки, сделанные в 1920 году Андреем Николаевичем совместно со своим другом детства, знаменитым ныне артистом М. М. Штраухом, в театре «Эрмитаж», когда Шаляпин пел партию Тонио в опере Леонкавалло «Паяцы». Федор Иванович никогда не снимался в этой роли, и единственный фотограф, которому удалось снять Шаляпина в роли Тонио, был Андрей Николаевич.

Я увидел снимки, запечатлевшие Федора Ивановича среди участников «среды», с Куприным и Рахманиновым, Репиным и

*А. Н. Телешов
показывает Лидии Шаляпиной альбомы
с фотографиями ее отца.*

Горьким, Скитальцем и Буниным. Здесь же — фотографии Шаляпина в домашнем кругу и в кругу близких, фотографии юного Шаляпина, только что начавшего сценический путь, и снимки, отображающие последние годы жизни, смерть и похороны великого певца.

По этим бесчисленным фотографиям нетрудно проследить, как рос, развивался и мужал гений Шаляпина, как оттачивалось его мастерство, как совершенствовались сценическая и психологическая трактовка образов, грим и костюмы.

Какова же была сила любви Андрея Николаевича к искусству Шаляпина, если коллекционированию его фотографий он отдавал каждую свободную минуту на протяжении пятидесяти четырех лет! Я не раз наблюдал, какой неподдельной радостью светилось его лицо, когда ему удавалось раздобыть неизвестную фотографию Федора Ивановича! С юношеской увлеченностью он говорил мне о том, что фотографии раскрывают ему многие неизвестные страницы биографии артиста.

Когда несколько лет назад в Москве побывала дочь Шаляпина — Лидия Федоровна, она пришла в гости к Андрею Николаевичу, своему другу детства. Несколько часов Лидия Федоровна, не отрываясь, рассматривала коллекции фотографий отца и была потрясена собранными Андреем Николаевичем фотографическими редкостями — многие из них она увидела впервые.

В последние годы Андрей Николаевич часто болел. Приступы сердечной болезни то и дело приковывали его к постели, но и тогда он не прерывал собирательства, находя в нем и отдых, и радость, и ему даже казалось, что в эти минуты болезнь отступает от него.

Скажем же спасибо и низко поклонимся Андрею Николаевичу, создавшему редкое по полноте и, может быть, единственное в мире собрание фотографий великого артиста.

ГОРЬКИЙ, УЭЛЛС, ШАЛЯПИН...

Старейший мастер советского фотографического искусства Моисей Соломонович Наппельбаум, когда однажды я пришел к нему в гости, показал мне негатив.

— Я долго искал этот негатив и, наконец, нашел,— загадочно улыбнувшись, проговорил он.— Но негатив я вам не подарю, не надейтесь, а вот снимок хочу подарить... Интересный снимок! Теперь уже исторический... Смотрите, кто на нем снят!.. Горький, Уэллс, Шаляпин!..

И Моисей Соломонович, этот величественный старец с ликом мудреца и бородой пророка, много за свою жизнь поработавший, снимавший Ленина и получивший от него письменную благодарность, создавший замечательную галерею портретов знаменитых артистов и писателей, рассказал мне об этой фотографии:

— В 1920 году в холодный и голодный Петроград приехал Герберт Уэллс... Жил он у своего друга — Горького. Както вечером раздается телефонный звонок. Голос Горького:

— Приезжайте ко мне, Моисей Соломонович. У меня собралось много интересных людей, и мне бы хотелось, чтобы вы нас сняли...

Алексея Максимовича я хорошо знал, бесконечно уважал и не раз фотографировал. Несмотря на поздний час, темноту и отсутствие транспорта,— в то время Петроград почти не освещался, а трамваи ходили нерегулярно,— я не мог отказать

Горькому, быстро собрал свою тяжелую аппаратуру и отправился к нему на Кронверкский проспект.

В тот вечер я увидел у Алексея Максимовича многих известных артистов, писателей, ученых, и среди них — Уэллса и Шаляпина. С Шаляпиным я тоже был близко знаком и часто снимал его в ролях и в жизни. Помнится, Уэллс восторженно отзывался о Шаляпине, с которым незадолго до этого познакомился и слышал его в «Хованщине» и в «Севильском цирюльнике». Он называл Шаляпина «величайшим певцом и артистом». В свою очередь Федор Иванович был рад знакомству с Уэллсом, однажды пригласил его в гости, и писатель провел в доме Шаляпина целый вечер.

Мне не пришлось «ставить» группу, я снял Горького и его гостей так, как они сами того хотели.

Уходя от Наппельбаума, я подумал, что этот снимок, как и многие из его работ, будет жить. Жаль только, что теперь, пожалуй, никто не знает, кто автор этой фотографии, где и когда она сделана.

ПОСЛЕДНИЙ КОНЦЕРТ

В Большом зале консерватории Шаляпин давал концерт — последний концерт перед отъездом за границу.

В зале не было ни одного свободного места. Люди стояли вдоль стен, толпились у дверей, пристраивались на ступеньках амфитеатра и балкона.

Переполнена была и эстрада. По обеим ее сторонам сидели знаменитые артисты, члены семьи Шаляпина, его близкие и друзья — каждому из них он лично вручал пропуски.

*Герберт Уэллс и Ф. И. Шаляпин в гостях у А. М. Горького
Петроград, 1920 год.
(Фотография М. С. Напельбаума)*

Когда Федор Иванович величественной поступью по узкому проходу между стульев направился к роялю, публика встретила его восторженной овацией.

Наконец, аплодисменты стихли, наступила тишина.

На рояле лежала пачка нот, по ходу концерта Шаляпин просматривал их, перекладывая с места на место, выбирая нужное произведение.

Он уже спел «Как король шел на войну», «В путь», «Блоху», «О, если б мог выразить в звуке», «Старого капрала», «Семинариста» — романсы, хорошо знакомые публике, но в исполнении Шаляпина звучавшие каждый раз по-новому, с редкой силой художественной выразительности.

— Я спою романс Бетховена «Под камнем могильным», — приятным, низким голосом сказал он. — Спою по-итальянски... Вот перевод романса...

Федор Иванович раскрыл книжку, в которой были записаны тексты романсов, двумя пальцами взял золотой лорнет, висевший на золотой цепочке, изящным движением руки приблизил его к глазам и начал читать:

О дай под камнем могильным мне уснуть вечным сном!

Нет для меня уж возврата, забудь же о былом,

забудь, забудь!

Короткое вступление, и на пианиссимо полился голос.

В этот момент из первого ряда партера поднялась старушка и, шаркая ботинками, поплелась через весь зал к выходу.

Шаляпин прервал пение. Он посмотрел ей вслед и с горечью проговорил:

— Это ужасно!.. Я не могу петь, когда мне мешают!..

Публика зашикала на старушку, но она, не обращая внимания на негодующие голоса, продолжала свой путь.

**Ф. Шалапин -
лицо символическое.
Такие люди, каков он,
являются для того, чтобы
напомнить всем нам:
вот как силен,
красив,
талантлив
русский народ!
М. ГОРЬКИЙ**

Выйдя из зала, старушка уловила на себе осуждающий взгляд билетерши.

— Как же это вы так среди концерта?— строго спросила она.

Билетерша хорошо знала эту старушку, знаменитую в прошлом провинциальную оперную певицу, когда-то несравненную Кармен. Она была свидетельницей стремительного взлета молодого Шаляпина и с той поры стала восторженной его почитательницей.

— Не ругайте меня, Марья Васильевна,— со слезами на глазах сказала старушка.— Я не могла выдержать... Понимаете?.. Когда Федя пел «Семинариста», я уже ничего не соображала, а когда начал петь Бетховена, почувствовала, что теряю силы... Простите!..

Она села на банкетку у входных дверей, обхватила голову руками и так, не шелохнувшись, просидела весь концерт.

Из-за дверей слышался голос Шаляпина. Голос то замирал, то несся широкой волной, заполняя собой все пространство и гулким эхом отдаваясь под сводами зала.

КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМУ

Шаляпину было двадцать пять лет, когда в «Частной опере» С. И. Мамонтова он начал работать над ролью Бориса Годунова. Неоценимую помощь в раскрытии психологически сложного образа «преступного царя» оказал тогда молодому артисту профессор Московского университета Василий Осипович Ключевский.

Вот как об этом эпизоде рассказывает Федор Иванович в автобиографических записках:

«...Готовясь к роли Бориса, я обратился к нашему знаменитому историку В. О. Ключевскому за указанием и советом. С радостной благодарностью помню, как чудесно говорил мне о Борисе, его эпохе и среде незабвенный Василий Осипович...»

Будучи восторженным поклонником Шаляпина, Ключевский решил подарить ему только что вышедшую книгу и направил к Федору Ивановичу своего сына Бориса.

Борис Ключевский не застал Шаляпина дома и оставил коротенькое письмецо, которое за № 57 опубликовано в двухтомнике «Шаляпин»:

«17/30 мая 1902
Москва.

Многоуважаемый Федор Иванович!

Отец поручил мне передать Вам свою книгу. Как ни занят я экзаменами, а счастлив был бы увидаться. Я приду завтра под вечер, надеюсь, что Вас застану и к Вам проникну.

Вас истинно уважающий
Борис Ключевский».

Какую же книгу решил преподнести Ключевский? Удалось ли его сыну «проникнуть» к Шаляпину? Передал ли Борис Ключевский подарок отца?

На эти вопросы двухтомник, к сожалению, ответа не дает.

* * *

Я пришел к известному ученому-археологу, члену-корреспонденту Академии наук СССР Валентину Лаврентьевичу Янину в тот момент, когда он готовился к очередной экспедиции.

Мысли ученого были уже далеко от Москвы, на раскопках Древнего Новгорода, куда он ездит каждый год и где ему и его коллегам посчастливилось открыть 480 берестяных грамот.

Но не проблемы археологии привели меня к Янину. Я был наслышан о нем, как о страстном филофонисте, обладателе двух с половиной тысяч старинных граммофонных пластинок.

Я провел у него в Беляеве — Богородском несколько часов, наслаждаясь филофоническими редкостями, — Янину удалось собрать множество дисков «Пате», все записи Франческо Таманьо — знаменитого итальянского тенора, прозванного «гигантом верхнего «до», почти все пластинки, напетые Шаляпиным, которого Янин считает «номером первым» в необозримо длинном перечне корифеев оперной сцены.

После того как мы закончили прослушивание пластинок, Янин показал мне несколько уникальных изданий, и в их числе — книгу в черном кожаном переплете. Он подсунул ее незаметно и как-то очень просто сказал: «А теперь посмотрите сию книжицу...» Это был труд Василия Осиповича Ключевского «Боярская дума древней Руси». На титульном листе я увидел надпись, повергнувшую меня в смятение: «Многоуважаемому Федору Ивановичу Шаляпину на добрую память от автора. Май, 1902 г.»

Фамилия автора, дарственная надпись, дата, — все говорило о том, что в моих руках была та самая книга, которую Ключевский через своего сына подарил Шаляпину.

— Как попала к вам эта книга? — обрета дар речи, спросил я Валентина Лаврентьевича.

-- История эта, в общем, не такая уж загадочная, ответил Янин с довольной улыбкой собирателя, почувствовав в моем голосе тщетно скрываемое волнение. — Вернее сказать, и истории-то никакой нет. Дело было так. Мой университетский товарищ, с которым я дружу до сих пор, разбирая библиотеку своего покойного отца, случайно нашел среди груды старых

*Минувшему Государю Александру
Шалинину
на добрую память от автора
Мая 1902 г.*

БОЯРСКАЯ ДУМА

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

В. Ключевского.

Издание третье.

МОСКВА.
Синодальная Типография.
1902.

*Титульный лист книги В. О. Ключевского
«Боярская дума древней Руси», подаренной автором
Ф. И. Шалинину.*

книг вот этот труд Ключевского. Зная мое увлечение Шаляпиным, зная, как дорог мне и любим мною этот артист, приятель однажды сделал мне подарок, о котором я не мог даже мечтать, — он преподнес книгу, принадлежавшую Шаляпину. Федор Иванович много лет хранил ее не только как ценный научный труд, которым часто пользовался, но и как память о Ключевском.

Я горжусь тем, что эта книга находится в моем собрании: ведь ее держал в своих руках, перелистывал, читал Шаляпин!..

* * *

Так счастливый случай позволил мне написать комментарий к письму за № 57 и одновременно рассказать историю подарка, полученного Шаляпиным от его «великолепного учителя».

В „ФАУСТЕ“ С ШАЛЯПИНЫМ

У меня — гость: бывший солист «Частной оперы» Зимина, баритон Сергей Иванович Разуваев. Со стариковской словоохотливостью он рассказывает о «близком далеком», и я чувствую, как волнуется мой собеседник, вспоминая свою сценическую карьеру, в которой, по его словам, «были шипы и розы, тернии и лавры». Вот он бережно вынимает из потертого кожаного портфеля пожелтевшую программу: его фамилия напечатана рядом с Шаляпиным.

— Когда это было? — спрашиваю. — Неужели и с Шаляпиным пели?

— Пел.

— Не расскажете ли?

— Извольте... Расскажу, как на духу, истинную правду... Этот спектакль — особенный в моей жизни, и рассказ о нем требует, так сказать, последовательности изложения... Поэтому слушайте и не перебивайте... Было это в 1920 году, в апреле. Сажу дома, отдыхаю, вдруг — телефонный звонок. Сообщают из дирекции, что завтра идет «Фауст» с участием Шаляпина, и я пою Валентина... Петь с Шаляпиным — честь для любого артиста. Но меня это известие скорее испугало, чем обрадовало. Я был молод тогда, в опере пел всего четыре года, к тому же, по рассказам товарищей, хорошо знал нрав Шаляпина, его требовательность к себе, к партнерам. Но делать было нечего. Одеваюсь, еду к нему на Новинский, рекомендую, и минут через пять появляется сам Федор Иванович. Я прошу его прорепетировать со мной мизансцены, а он говорит:

— Я устал и репетировать не буду... А зачем, собственно, репетировать?.. Следи за мной и мне не мешай!..

С тем я и уехал.

В театр я пришел за два часа до начала, оделся, загримировался, попробовал голос — звучит! Сажу в своей уборной, томлюсь ожиданием — самое тяжелое для певца ждать своего выхода!.. А голову сверлит мысль: как я буду петь с Шаляпиным и без репетиции?!

Начался спектакль.

Куплеты о золотом тельце Шаляпин спел блистательно, публика потребовала повторения, и Федор Иванович спел «на бис». Первую сцену с Мефистофелем я провел, как видно, хорошо, и Шаляпин, покровительственно хлопнув меня по плечу, похвалил. Заклинание цветов он тоже бисировал. Вообще весь

вечер Федор Иванович был предметом восторгов публики, которая в то время любила оперу, понимала в ней толк и всегда справедливо выносила приговор

В третьем акте, после знаменитой серенады «Выходи, о, друг мой нежный...» публика устроила Шаляпину овацию, и снова настойчиво потребовала повторения. И Федор Иванович бисировал! Второй раз он спел лучше, и это послужило поводом к овации еще более восторженной. За вторым «бисом» последовал третий...

Я стоял в кулисе, готовый к выходу, и не мог решить: выходить или не выходить?

И вдруг Шаляпин, приблизившись ко мне, прошипел:

— Чего стоишь?.. Выходи, вступай!.. Нешто я двуличный?!

— Как вступить, Федор Иванович?— пролепетал я.— Меня и слушать-то никто не станет. Да и оркестра не слышно, в тон не попаду!..

— Выходи, вступай!.. Там разберемся!..

Я вышел и запел. Но в шуме все еще аплодировавшего зала не расслышал оркестра и вступил не в тон. Шаляпин через несколько тактов выручил меня, и вскоре мы действительно разобрались.

Окончился акт, и Федор Иванович сказал:

— Уж больно ты робок, Сергей!.. В искусстве нахалом быть нельзя, но нельзя быть и трусом! Надо быть находчивым и смелым!..

— А сами-то вы как волнуетесь!— сказал я.— А почему? Ведь вы так великолепно владеете голосом, телом, жестом, мимикой?!

— Отвечу тебе просто: если я спою хорошо, это значит плохо, если я спою отлично,— это так себе...

— А как же вы должны петь?

— Как Шаляпин!.. Понимаешь?!

ПРОСТОДУШНЫЙ ИМПРЕСАРИО

В 1921 году Шаляпин приехал на гастроли в Нью-Йорк.

Среди тех, кто встречал в порту знаменитого русского баса, был давний его друг — Фрэд Гайсберг, один из основоположников звукозаписи. Двадцать лет назад Гайсбергу удалось уговорить Шаляпина впервые записаться на граммофонную пластинку. Федор Иванович не верил в возможности звукозаписи, долго отказывался, называя предложение Гайсберга «чушью». Но, наконец, подписал контракт.

...Широко разрекламированные гастроли Шаляпина в Нью-Йорке сулили ему большую финансовую выгоду, а многочисленным любителям вокального искусства — подлинное художественное наслаждение.

Однако часть выступлений Шаляпин вынужден был отменить. Он заболел ларингитом, и врачи предписали ему полное молчание и покой. Мрачный и злой, Шаляпин лежал в номере фешенебельного отеля «Уолдорф Астория», без конца причитая: «Боже, чем я разгневал тебя, что ты ниспослал на меня такую кару?!»

В это время в номер вошел Гайсберг. Увидев своего друга в состоянии черной меланхолии, Гайсберг предложил Шаляпину уехать в маленький городок вблизи Нью-Джерси, где жили его родственники.

— У них тихо, вы хорошо отдохнете и избавитесь от ларингита. Никто вас там не знает, и никто не будет беспокоить...

Шаляпин согласился, и Гайсберг тотчас же увез его в это местечко, более напоминавшее деревушку, нежели город. Федор Иванович аккуратно исполнял лечебные процедуры, в одиночестве прогуливался по единственной длинной улице, ни с кем не заговаривая и не сводя знакомства. Между тем Шаляпина заприметил владелец кинотеатра, который каким-то чудом узнал, что этот громадный блондин — певец.

Однажды он остановил Шаляпина, когда тот проходил мимо кинотеатра.

— Хелло, ты не хочешь заработать немного денег? — спросил он. — Мне сказали, что ты умеешь петь... Может быть, споешь у меня сегодня вечером перед последним сеансом?

Шаляпин смерил его насмешливым взглядом с головы до ног, улыбнулся и сказал:

— Отчего же не спеть? Можно и спеть! А сколько ты заплатишь?

Владелец кинотеатра, подумав, сказал:

— Три доллара...

— Нет, три доллара — маловато, — так же серьезно ответил Шаляпин. — Я хочу четыре доллара...

— Пойми, я не могу заплатить тебе одному четыре доллара. Полный сбор в моем театре составляет двадцать долларов. Ты же понимаешь, что у меня есть и другие расходы?!

Так они и не сговорились.

Владелец кинотеатра так и не узнал, что часом позже Шаляпин отказал одному могущественному импресарию, который предлагал ему двадцать гарантированных выступлений в городах Южной Америки с оплатой по 2500 долларов за выступление...

ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ...

Из Парижа сообщили: умер Григорий Хмара, известный в свое время артист Художественного театра, умер во сне, в возрасте восьмидесяти шести лет...

Мои друзья, навещавшие Хмару в Париже, говорили, что его квартира на площади Пигаль была уголком старой Москвы, столь им любимой, а сам хозяин до конца дней оставался истинно-русским — широким, радушным, гостеприимным.

Когда я думал о жизни Хмары, в памяти моей возникла история, однажды рассказанная мне старейшим концертмейстером Большого театра Надеждой Клименковой.

Вот она, эта история.

* * *

— Весной 1922 года импресарио Шаляпина — Михаил Кошук — пригласил группу московских артистов на четыре концерта в Петроград. Приехали Нежданова, Обухова, Голованов, баритон Минеев, скрипач Карпиловский, артисты балета Балашова, Рейзен и Жуков, актеры Художественного театра Хмара, Гейрот и Кемпер. С ними приехала и я, молодая в то время пианистка, только что окончившая консерваторию.

Кошук разместил нас в роскошном трехэтажном особняке на набережной Невы.

Концерты проходили с неизменным и шумным успехом.

В антракте последнего концерта в театре «Аквариум» нам стало известно, что в зале — Шаляпин.

**...Какое счастье для нас,
что мы жили в эпоху,
когда работал и творил
этот гениальный
художник.**

**Сколько радости давал
он людям!**

**Кто знал его, тот
навсегда**

**с благодарностью
сохранит его
образ.**

**Кто его не знал,
тому трудно представить себе,
какими чарами,
какой мощью таланта
обладал этот
сверхчеловек в искусстве.**

А. ГРЕЧАНИНОВ

Я была страстной его поклонницей, и в первую минуту не поверила, чтобы он мог приехать на концерт. Я отыскала в занавесе дырочку и прильнула к ней глазом, стараясь разглядеть того, кто был для меня божеством.

Шаляпин сидел один в первом ряду, ни на кого не глядя. небрежно откинувшись на спинку стула, заложив ногу на ногу. Он был в сером расстегнутом пальто и в серой широкополой шляпе, слегка сдвинутой набок.

Вернувшись с концерта, я увидела Шаляпина в столовой нашего особняка. Окруженный актерами, он сидел во главе обеденного стола. От волнения у меня подкосились ноги и сжалось сердце. Перед Шаляпиным на блюдечке лежали старинные золотые часы, он играл ими, и с восторгом демонстрировал артистам, как они звонят.

Откуда-то появились бифштексы и водка, настоящая на лимонных корках, — начался ужин.

Шаляпин, страдавший сахарной болезнью, ничего не ел и не пил, за ним зорко следил «Исайка» — Исай Григорьевич Дворищин. Как только Федор Иванович пытался что-нибудь съесть или выпить, раздавался настойчиво-умоляющий голос Дворищина:

— Федор Иванович, не надо!.. Вам нельзя!..

После ужина артисты стали просить Шаляпина спеть.

— Федя, спой!.. Не капризничай!.. У Хмары с собой гитара... — ласково уговаривала его Балашова.

— Ну, что ж, пожалуй!.. Но что же спеть?..

Отдернули штору — за окном занималась заря.

Шаляпин печально и мечтательно долго смотрел на розовеющее небо, потом сказал:

— Давайте «Глядя на луч пурпурного заката...» Только слова подсказывайте...

Хмара дал несколько аккордов, все притихли, и началось неопишное, несравненное волшебство.

Шаляпин пел сидя, смягчая звук, слегка зажмурившись. Изредка он протягивал Хмаре руку и говорил:

— Слова́... Подай слова́...

Хмара шепотом подсказывал слова, аккомпанируя еле слышно:

Глядя на луч пурпурного заката,
Сидели мы на берегу Невы.
Вы руку жали мне,
Умчался без возврата
Тот сладкий миг.
Его забыли вы...

С замиранием сердца я слушала его пение. Мне казалось, будто я нахожусь под каким-то сладостным наркозом, я смутно видела людей и едва различала предметы.

Небо уже совсем посветлело, а Шаляпин все пел и пел под аккомпанемент Хмары, пел для себя, не для нас.

Вдруг Хмара вскрикнул:

— Мне больно рядом с ним сидеть... Так близко сидеть... Так близко слышать его... Он слишком сильно бьет!— и швырнул гитару в сторону.

...Повеселевший после пения, Шаляпин простился с нами на рассвете.

Мы стояли у дверей особняка и молча наблюдали, как постепенно удалялись от нас две фигуры: величественно-огромный, размахивающий тростью Шаляпин и рядом — маленький, весь в черном «Исайка»...

* * *

...Через шестнадцать лет Хмара был в числе тех немногих русских артистов, кто нес гроб с телом Шаляпина, провожая его в последний путь — на кладбище Батиньоль.

ВСТРЕЧА С „ПОСЛЕДНИМ ИЗ МОГИКАН“

По случайному стечению обстоятельств я пришел в Рижский оперный театр в тот час, когда после летнего перерыва был назначен сбор труппы. В артистическом подъезде не переставая хлопала дверь, входили все новые люди: солисты оперы, артисты балета, хористы, оркестранты, рабочие многочисленных цехов. Здесь царило оживление, слышались дружеские приветствия, короткие расспросы, поцелуи, объятия... В этой шумной толчее мне не без труда удалось отыскать нужного человека, который, по словам знавших его, был в театре «последним из могикан» и мог рассказать о Шаляпине нечто новое и интересное.

...Костюмер Рижской оперы Ансис Шульберг охотно согласился поделиться воспоминаниями о Шаляпине, но тут же спохватился:

— Я плохо понимаю русский язык, а еще хуже говорю по-русски, — коверкая слова, сказал он. — Но это не беда... Подождите немного, я позову кого-нибудь на помощь...

Через несколько минут «помощь» прибыла: роль переводчика взял на себя премьер Рижской оперы Карл Заринь, человек атлетического сложения, обаятельный и веселый, обладатель красивого тенора. В течение часа Заринь добросовестно исполнял свои обязанности — ему, как видно, и самому было интересно послушать рассказ «последнего из могикан».

*Ф. И. Шаляпин и А. И. Куприн.
1911 г.*

— Ах, Шаляпин, Шаляпин! — мечтательно проговорил Шульберг. — Сколько времени прошло с тех пор... целых сорок лет!.. Подумать только, кого из знаменитых гастролеров не приходилось мне одевать за это время — и замечательного итальянского баритона Луиджи Монтесанто, и великолепных теноров Яна Кепуру и Йозефа Шмидта, и вашего высокоталантливого Дмитрия Алексеевича Смирнова... И хотя у всех у них были прекрасные голоса и каждый представлял собой крупную артистическую индивидуальность, все же впечатление наибольшей силы оставил в моей душе Шаляпин.

Федор Иванович любил Ригу, часто приезжал к нам, но впервые я увидел его в 1930 году.

Перед приездом Шаляпина газеты писали о нем не только, как о великом певце и артисте, но и как о человеке, до крайности капризном и вздорном: уж если что-нибудь придется ему не по нраву, он сразу же забирает свои чемоданы и, не прощаясь, уезжает...

Вам легко представить мое волнение, когда перед «Севильским цирюльником» я оказался лицом к лицу с этим великаном и начал его одевать. Мои руки с трудом доставали ему до плеч. Я не знал русского языка, а Шаляпин ни слова не говорил по-латышски. Приходилось пользоваться услугами парикмахера или кого-нибудь из артистов в качестве переводчиков.

К счастью, Федор Иванович остался мною доволен и, оглядев себя со всех сторон в зеркале, хлопнул меня по плечу, сказав:

— Палдиес!.. Спасибо!..

Когда начался спектакль, я, как обычно, вышел за кулисы и исподволь наблюдал за Шаляпиным. Он волновался так, будто выходил на сцену первый раз. Он все время откашливался и, забыв правила приличия, плевал себе под ноги.

После знаменитой арии о клевете в зале поднялось нечто неопишное, и публика в восторженном единодушии потребовала спеть ее «на бис». Шаляпин (этого никто из нас не знал!) заранее сговорился с исполнителем роли дона Бартоло на случай, если ему придется бисировать.

После короткой паузы, Шаляпин спросил Бартоло:

— Так вы теперь поняли, что такое клевета?

— Да что-то н-не особенно,— обалдело глядя на Базилио, в растерянности проговорил Бартоло.

— Ну тогда я спою вам эту арию по-итальянски!..

Так остроумно Шаляпин «обставил» свой бис, и публика была в полнейшем восторге.

...Через несколько дней в нашем театре состоялся концерт Шаляпина.

Концерт тоже прошел блестяще, хотя и не без «осложнений».

Аккомпанировал Федору Ивановичу великолепный пианист, свято соблюдавший темп, установленный Шаляпиным на репетиции. Но на концерте, как это нередко случалось с Шаляпиным, он изменил интерпретацию одного романса, которая застала пианиста врасплох. Тогда Шаляпин стал стучать по крышке рояля, указывая пианисту темп.

И хотя поступок Шаляпина был по отношению к пианисту бестактным, публика не обратила на это внимания, ибо целиком находилась в плену Шаляпина-артиста, а у него было одинаково прекрасно и частности, и целое.

НЕЖДАННОЕ ПИСЬМО

Последние восемнадцать лет своей жизни Даниил Максимович Ратгауз провел в Праге.

Поэт, на чьи стихи создали романсы Чайковский, Глазунов, Аренский, Кюи, жил бедно, постоянно нуждаясь. Единственным средством существования было небольшое пособие чехословацкого правительства, выдававшееся лицам, имевшим паспорт беженца, да случайные гонорары.

Внезапно Ратгауз тяжело заболел. Парализованный, он еле передвигался. Даже выход во внутренний дворик-сад дома, в котором он снимал комнату, представлялся ему трудным путешествием.

Однажды друзья поэта отвезли его к себе в гости — за город.

Сидя у радиоприемника, Даниил Максимович слушал музыкальную передачу из Советского Союза. Слышимость была плохой, но он все же отчетливо услышал романс Чайковского, написанный на его стихи. Пел Шаляпин. Ратгауз сразу узнал его по неповторимому тембру, по страстному чувству, которым он насыщал каждую фразу. За первым романсом последовал второй — тоже Чайковского, и снова — на стихи Ратгауза. Даниил Максимович подумал, что передается цикл романсов Чайковского, но тут же услышал третий романс: на этот раз — Аренского, и опять — на его стихи...

Начались помехи, и Ратгаузу не удалось дослушать радиопередачу. Не смог он и расслышать сопровождавший передачу комментарий.

Даниил Максимович сидел, погруженный в свои мысли, как бы весь ушедший в себя.

— Вот и мне Родина прислала привет!— после долгого молчания сказал он со слезами на глазах.

* * *

Прошло некоторое время, и Ратгауз узнал, что на гастроли в Прагу приезжает Шаляпин. Это сообщение взволновало его. Он был дружен с Шаляпиным, часто встречался с ним у общих знакомых, не раз слышал в спектаклях, концертах. Потом связь нарушилась: оба оказались за границей, Шаляпин почти непрерывно гастролировал, переезжая из одной страны в другую, и старому, больному поэту трудно было отыскать след артиста. Но портрет Шаляпина, когда-то подаренный Ратгаузу, по-прежнему висел над скромной постелью поэта, на стене, среди фотографий дорогих его сердцу людей.

...В один из теплых апрельских дней 1932 года в комнату Ратгауза вошел незнакомый человек. Оглядев скромную обстановку комнаты, вошедший назвался секретарем Шаляпина.

— Вас прислал Федор Иванович?— спросил Ратгауз, ошеломленный и обрадованный неожиданным визитом.— Разве он уже в Праге?

— Да,— односложно ответил незнакомец и после короткой паузы сказал:— Федор Иванович разыскал ваш адрес и поручил мне передать вот это письмо.

И вручил тщательно запечатанный пакет.

— Ответа не нужно,— предупредил секретарь, заметив, что Даниил Максимович торопится вскрыть письмо.— Прочтите его, пожалуйста, после моего ухода...

Вскоре он простился и ушел.

Когда Ратгауз распечатал конверт, он увидел пачку денег

и небольшое письмо, написанное крупным, четким почерком Шаляпина.

Он писал:

«26 апреля 1932 г.

Сокрушенно узнал о Вашей болезни, дорогой Даниил Максимович, и о тяжелом положении Вашем материальном.

К сожалению, сам я тоже нездоров (замучила проклятая простуда), и не могу навестить Вас.

Позвольте мне, однако, послать Вам эти гроши. Думаю, что они, хотя бы временно, окажут Вам поддержку.

Всегда преданный Вам, уважающий
и расположенный поклонник

Федор Шаляпин».

Ратгауз несколько раз перечитал письмо, потом откинулся на подушку и долго лежал с закрытыми глазами.

-CIAO, SHALIAPIN! COME VA?..

В 1933 году Шаляпин отмечал свое шестидесятилетие.

В числе многочисленных подарков, полученных от родных, друзей и поклонников, была небольшая бандероль. Может быть, в праздничной суете Шаляпин и не обратил бы на нее внимания, если бы на конверте не стояла фамилия отправителя: «Titta Rufio».

— Ciao, Shaliapin! Come va?..— Привет, Шаляпин! Как дела?.. (итал.)

*Ф. И. Шальпин и Титта Руффо.
1930 г.*

Задолго до юбилея Шаляпина Титта Руффо стал думать, как отметить день рождения коллеги и друга, с которым он не раз делил успех и в России, и в Европе, и в Южной Америке. Он решил преподнести ему подарок, пожалуй, единственный в своем роде.

Титта Руффо написал шуточный свой диалог с Шаляпиным и с удивительным актерским мастерством наговорил этот диалог на граммофонную пластинку. Наделенный громадным даром имитации и обладая, по собственному признанию, «обостренно-развитой способностью к подражанию», Руффо с блеском передал речь Шаляпина, тембр его голоса, его манеру говорить...

Развернув бандероль, Шаляпин вначале удивился, обнаружив между двумя картонками обычную граммофонную пластинку, на которой не было даже фирменной этикетки. Но, прочитав письмо, приложенное к пластинке, тут же поставил ее на граммофон.

Когда Шаляпин прослушал пластинку, он пришел в восторг от оригинального подарка Руффо и долго хохотал от всей души.

Вот что наговорил Руффо:

— Привет, Шаляпин! Как дела?

— Здравствуй, мой дорогой Руффичек маленький!

— У тебя великолепный голос! Сегодня вечером ты пел как никогда!

— Что ты говоришь? Это неправда! Все меня предали. И он, мой бас, тоже меня предал... Ведь я теперь не ем хлеба, не пью, я ничего не делаю, у меня сахар в крови, диабет, эмфизема, хронический бронхит, двойное воспаление легких и еще куча всяких глупостей, о которых мне вечно твердят эти глупые врачи, которые ничего не понимают... И потом, знаешь,

жена меня забыла, все меня забыли, только ты, Руффичек маленький мой!.. Я уже шесть месяцев под землей. Шаляпин кончился... Шаляпин умер... Никто меня не вспомнит... Черт по-бери!..

— Да нет, ты же хорошо себя чувствуешь!.. У тебя необыкновенный голос, и когда ты берешь высокую ноту, то это, как выстрел из пушки!..

— Нет, нет!.. Я уже шесть месяцев под землей. Жизнь только одна, а после нее будут гробовые черви... Любить, любить, любить, как говорите вы, потому что призрак смерти всегда стоит над нами!..

— Ну, будь здоров, Шаляпин!

— До свидания, мой милый Руффик!

И Титта Руффо чмокает губами, имитируя поцелуй.

* * *

Читателю, не знакомому с жизнью Шаляпина того времени, с его постоянными жалобами на нездоровье, на то, что он всеми забыт, этот диалог, вероятно, покажется скучным. Но перевод, каким бы талантливым он ни был, не может заменить живую речь, живой голос, тем более голос Руффо, изобилующий множеством нюансов, тончайшими переходами, мягким юмором, пронизывающим весь «диалог».

Минуло более двадцати лет со дня смерти Титта Руффо. А наговоренная им пластинка живет. Она живет как свидетельство дружбы двух гениев оперной сцены и как своеобразная дань любви и уважения Титта Руффо к Шаляпину.

ШУТКА

Художник Константин Коровин — один из самых близких друзей Шаляпина — был человеком не очень организованным. Вечно он где-то задерживался, куда-то торопился и постоянно опаздывал.

Это злило Шаляпина, и он решил проучить своего неточного друга.

Как-то в Париже Шаляпин пригласил Коровина на свой концерт.

— Буду ждать тебя ровно в семь, — сказал Федор Иванович. — Опоздаешь — умру... Так и знай!..

Коровин легкомысленно отнесся к предупреждению Шаляпина и, конечно, опоздал. Когда художник вошел в квартиру Шаляпина, он увидел в передней дьячка.

«Что за противность?» — подумал Коровин, удивленный встречей с дьячком, которого никогда прежде не замечал в доме Шаляпина.

— Федор Иванович у себя? — спросил он.

— Опоздал, батюшка, — с грустью в голосе ответил дьячок. — Преставился... Я уж второй час поминаю новопреставленного раба божия Феодора...

С этими словами он ввел Коровина в спальню.

Здесь было сумрачно, горели свечи, теплилась лампада.

Шаляпин лежал на кровати, закрытый до подбородка простыней.

— Боже, что я наделал! — в отчаянии прошептал побледневший Коровин и едва не лишился чувств.

В молчании прошло несколько секунд.

Вдруг Шаляпин зашевелился, сбросил простыню, вскочил, широко улыбнулся и ткнул в Коровина тростью.

— Опять опоздал, черт тебя подери! — дружески упрекнул его Шаляпин.

И тут только Коровин увидел, что Шаляпин уже одет: он лежал во фраке, в белоснежной рубашке с пластроном, в лакированных туфлях, положив рядом с собой трость.

— Быстро на концерт, — крикнул Федор Иванович. — Опоздываем!

Ошеломленный Коровин бегом кинулся за Шаляпиным, который уже спускался по лестнице.

Времени и в самом деле было в обрез.

В „ФОЙЕ НАПРАВНИКА“

Каждый, кто пишет о Шаляпине, обязательно помянет Исаю Григорьевича Дворищина — «Исайку», «Исайчика», «милого Исайку», как называл его Шаляпин, — столь тесно переплетена их жизнь.

Этот худенький, невысокого роста человек был для Шаляпина всем: секретарем, партнером, собеседником, другом, даже слугой... Шаляпин же был для Дворищина божеством; дружбу с ним он свято хранил, ею дорожил и гордился. И сына своего в честь Шаляпина назвал Федором. Самозабвенная преданность Шаляпину придавала Дворищину силы, чтобы безответно сносить и грубости, и незаслуженные оскорбления — чего греха таить: нелегкий нрав был у Шаляпина!

Оперный компримарий, Дворищин никогда не блистал го-

лосом, но обладал ярким актерским дарованием — как великолепно, например, рядом с Шаляпиным, исполнявшим в «Борисе Годунове» партию Варлаама, играл и пел Исая Григорьевич партию Мисаила! И не случайно Шаляпин, сфотографировавшись с Дворициным, подарил ему этот снимок, сделав на нем такую надпись: «Эх, Исайка! — побольше бы таких артистов, как мы с тобой!». Ф. Шаляпин».

...Когда Шаляпин навсегда покинул родину, Дворицин остался в Петрограде. Он продолжал служить в Мариинском театре, в котором многие годы работал с Шаляпиным.

Исая Григорьевича можно было увидеть в театре утром, днем, вечером. Вне театра жизнь представлялась ему неинтересной, лишённой смысла. Был он и режиссером-постановщиком, и ведущим режиссером, и инспектором оперной труппы. Скромный и приветливый, он пользовался всеобщей любовью. Когда возобновлялись давно не шедшие оперы, Дворицин восстанавливал шаляпинские мизансцены, работал с актерами над партиями, а в хорошую минуту увлекательно рассказывал молодым певцам о своем великом друге...

И вот однажды, году в тридцать пятом, перед началом «Хованщины» среди актеров разнесся слух: кто-то привез из-за границы пластинку с последней записью Шаляпина, и слушать ее будут сегодня, и устраивается это специально для Дворицина, из желания доставить ему радость... Во время действия, в «паузе», все, кто не был занят, собрались в «фойе Направника» — маленьком зале за кулисами. Здесь обычно проходили пробы солистов, прослушивания молодых певцов, небольшие репетиции...

...Принесли патефон. В мягкое кресло у окна сел Дворицин. Поставили пластинку и полился знакомый голос... Шаляпин пел арию Бориса «Достиг я высшей власти...» Артисты напряженно вслушивались в каждую фразу, в каждое слово, боясь пошевеливаться, чтобы неосторожным движением не на-

Ф. И. Шалыгин и И. Г. Дворжиин

рушить сосредоточенную тишину. Пластинка рождала ассоциации, вызывала воспоминания, и многим казалось, что это совсем не запись, что поет живой Шаляпин, поет сейчас, на сцене...

Взволнованный неожиданной встречей с другом, Дворищин сидел, сгорбившись, отвернувшись к окну, закрыв лицо рукой.

Когда прослушивание окончилось, несколько секунд по-прежнему было тихо, и вдруг один из актеров, обращаясь к товарищу, сказал:

— А знаешь, голос уже не тот...

— Пожалуй, ты прав... — согласился он.

Исай Григорьевич не слышал этих слов. Он недвижимо сидел в той же скорбной позе, и только спина чуть вздрагивала от душивших его слез.

Актеры один за другим тихо вышли из зала.

А Дворищин долго еще сидел у патефона, маленький, поседевший, состарившийся, не сводя глаз с блестящей поверхности диска, сверкавшего в свете плафонов.

„ПОВИННУЮ ГОЛОВУ И МЕЧ НЕ СЕЧЕТ!“

У Шаляпина часто возникали недоразумения с дирижерами, иногда оканчивавшиеся скандалами. Редко кто из дирижеров мог ему угодить. Причина этого заключалась отнюдь не в «трудном» характере артиста, хотя характер его был далеко не ангельский, а в том, что Федор Иванович почти в каждый спектакль вносил что-то новое, свежее, оригинальное, какой-нибудь

*«Борис Годунов». Ф. И. Шаляпин – Варлаам (слева) и
И. Г. Дворищин – Мисаил.
(Из альбома А. Маршака)*

яркий штрих, какую-нибудь прочувствованную, глубоко продуманную деталь. И не удивительно, что шаляпинские «импровизации» порой заставляли дирижеров врасплох. Вот почему они были вынуждены смотреть не столько в партитуру, сколько «в рот» Шаляпину.

В Нью-Йорке, в первый год гастролей Шаляпина, спектаклями дирижировал отличный музыкант Михаил Михайлович Фивейский. Федор Иванович знал его по годам своей молодости, когда в Нижнем Новгороде, в то время никому не известный гимназист Миша Фивейский часто аккомпанировал Шаляпину в концертах у Горького, на которых бывали Леонид Андреев, Скиталец и многие другие писатели и поэты.

...Перед спектаклем «Бориса Годунова» Шаляпин сказал Фивейскому:

— Вот какое дело, маэстро... После того как Шуйский сообщит о самозванце, дайте большую паузу... В это время я, похолодев от ужаса, обхожу всю сцену, судорожно осматриваю каждый уголок — не подслушал ли кто? — затем приказываю:

Взять меры сей же час,
Чтоб от Литвы Русь оградилась заставами...

Фивейский точно исполнил пожелание Шаляпина, и сцена, как всегда, закончилась овацией.

В другой раз Шаляпин предупредил дирижера:

— Сегодня, маэстро, я хочу по-новому провести сцену с Шуйским... После слов Шуйского снова сделайте большую паузу: она мне нужна для того, чтобы я, ошеломленный известием, объятый страхом, мог собраться с силами и решить, что надо делать...

Началась сцена. Федор Иванович дошел до условленного места, оркестр замолчал, а Шаляпин, забыв обо всем на свете, весь в образе, весь во власти сценической правды,

точно ураган обрушился на Шуйского и в бешенстве закричал:

Взять меры сей же час,
Чтоб от Литвы Русь оградилась заставами...

Фивейскому, который не ожидал «подвоха», стоило больших усилий «поймать» Шаляпина и благополучно довести сцену до конца.

В антракте Фивейский, бледный и взволнованный, бросился за кулисы, собираясь сделать Федору Ивановичу замечание.

У дверей уборной стоял Шаляпин. Он не любил признаваться в собственных грехах, но сегодняшний «грех» был столь очевиден, что ему ничего не оставалось делать, как сознаться в содеянном. Федор Иванович ожидал «агрессии» дирижера и, заметив приближающегося Фивейского, пошел к нему навстречу. Он шел семенящей походкой китайского мандарина, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, и «упредил» Фивейского:

— Виноват, маэстро, грешен... Со мной это иногда бывает... Но повинную голову и меч не сечет!..

И, склонив голову, улыбаясь, сказал:

— Секите!..

В ПОРТУ

На рассвете океанский лайнер входил в бухту Барселоны.

Берег был уже совсем близко, и пассажиры высыпали на палубу, чтобы полюбоваться панорамой города, которая с каждой минутой разворачивалась перед их взором во всей своей

ослепительной красоте. Среди пассажиров выделялась громадная фигура Шаляпина, он направлялся в Барселону, где через несколько дней в театре Личео начинались его гастроли.

Несмотря на ранний час, весь пирс — от края до края — был загроможден людьми.

Вдруг Шаляпин услышал, как кто-то громко и отчетливо крикнул по-русски:

— Привет Шаляпину!

Федор Иванович поклонился неизвестному голосу и, сняв шляпу, приветственно помахал ею в воздухе. В ту же секунду в разных концах пирса уже десятки голосов скандировали:

— Шаляпин!.. Шаляпин!.. Шаляпин!..

Стоявший рядом с ним импресарио, не отрывая глаз от нарядной, пестрой, восторженно аплодировавшей толпы, воскликнул:

— Смотрите, Федор Иванович, как вас встречают барселонцы!..

Шаляпин молчал, точно не слышал этих слов.

Импресарио взглянул на Шаляпина — его лицо вдруг болезненно изменилось.

— Что с вами, Федор Иванович? — спросил, испугавшись, импресарио.

— Гляди, — с горечью проговорил Шаляпин, — ведь так меня могли встречать и на Родине?! А я уйду от Родины своей все дальше... все дальше...

По его щекам текли слезы.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ...

Немного осталось счастливых, которые слышали Шаляпина, но еще меньше — тех, которые с ним пели.

Вот почему такой значительной представлялась мне встреча с преподавателем Московской консерватории Владимиром Григорьевичем Шушлиным: по словам моего приятеля, заочно познакомившего меня с Шушлиным, он не только знал Шаляпина, но и неоднократно был его партнером.

По телефону я рассказал Шушлину, что меня интересует, и Владимир Григорьевич назначил мне свидание в консерватории. Когда я вошел в класс, занятия уже окончились, и студенты прощались со своим педагогом. Мы остались вдвоем.

— Я не думаю, чтобы вас могли заинтересовать воспоминания какого-то Шушлина, — сказал он искренне, без тени рисовки. — Это я говорю к тому, что моя артистическая судьба сложилась необычно: в России я пел несколько лет, и тех, кто меня слышал, вероятно, уже нет на свете. Вторая же половина моей жизни протекала за границей. Поэтому я и сказал: «какого-то Шушлина», — меня, как певца, сейчас просто не знают... Но это — не к делу... Я глубоко убежден, что портрет такого великого артиста, каким был Шаляпин, может быть воссоздан только усилиями многих людей, разных по общественному положению, неодинаковых по таланту и по богатству голосовых и актерских средств, отпущенных им природой...

Я хорошо знал Шаляпина. Вскоре после революции меня

приняли в Мариинский театр, и на сцене «Мариинки» я не раз выступал вместе с ним. В «Борисе Годунове», например, Шаляпин пел заглавную партию, я — Пимена, в «Юдифи» Федор Иванович играл роль Олоферна, я — Озия, в «Руслане и Людмиле» Шаляпин пел партию Руслана, я — Светозара... Воспоминания об этих совместных выступлениях живы во мне до сих пор, ибо Шаляпин был певцом и артистом неповторимым...

...В 1921 году профессиональный союз работников искусства командировал меня на работу в Шанхай. Долгие годы, почти четверть века, я состоял профессором шанхайской консерватории, сочетая педагогическую деятельность с концертными выступлениями.

Глубокой осенью 1936 года газеты сообщили о предстоящем приезде Шаляпина на гастроли в Шанхай. Это сообщение произвело в городе сенсацию, меня же взволновало до глубины души. Неужели, думалось мне, я вновь увижу и услышу Федора Ивановича? Как он выглядит? Сильно ли изменился внешне? Сохранил ли свой чудесный голос?.. В день прибытия парохода, уже с утра, я был в порту. К приходу судна собралась почти вся русская колония, пришли представители иностранных посольств, журналисты, фотографы, кто-то из почитателей шаляпинского таланта принес большой плакат: «Слава великому русскому артисту Ф. И. Шаляпину!»

Шаляпин с непокрытой головой стоял на палубе океанского лайнера, медленно подходившего к пирсу. Он пристально всматривался в толпу встречавших. На его лице отражалась взволнованность, чувствовалось, что он растроган встречей. Сложив руки рупором, я изо всех сил выкрикивал какие-то радостные слова. Вот Федор Иванович приветственно взмахнул шляпой, — мне показалось, что он узнал меня...

В Шанхае он должен был дать два концерта. И оба устраивались в помещении, совершенно непригодном для пения, — в кинотеатре, вмещавшем две тысячи человек. Вероятно, это

последнее обстоятельство, сулившее немалую выручку, и заставило антрепризу пожертвовать художественной цельностью концертов в угоду интересам коммерческим.

Первый концерт я слушал в публике, и, правду сказать, Федор Иванович не произвел на меня должного, «шляпинского» впечатления. То ли был нездоров, то ли сказалась отвратительная акустика зала, но голос звучал не очень хорошо: исчезла былая мощь, пропали пиано и пианиссимо, которыми так бесподобно владел Федор Иванович... Слушая его, мне было обидно, что этот великий артист должен петь в таком плохом помещении, было больно и от сознания того, что на старости лет он не имеет покоя и вынужден скитаться по белу свету...

В антракте второго концерта я прошел к нему в уборную. Здесь находились Мария Валентиновна и дочь Дася. Федор Иванович узнал меня и встретил приветливо.

— Как ты попал сюда, Шушлин? — спросил он, улыбаясь. — Мне уже рассказывали о тебе... Как голос? Поешь или только учишь?..

Я ответил, спросил его о здоровье.

Шляпин охотно говорил со мной, шутил, вспоминал Петроград, Мариинский театр, наши совместные выступления....

Затем он уехал в Харбин, но вскоре возвратился и некоторое время жил в Шанхае, занимая роскошный номер в «Катей отеле» — одиннадцатипятиэтажной гостинице, построенной на набережной Хуанпу.

И вот здесь, в «Катей отеле», я бывал у него почти ежедневно.

Однажды я пришел к нему. Он сидел в глубоком кресле, повязав шею шерстяным шарфом. Лицо было бледное, на лбу — испарина. Я долго смотрел на него, и только тут увидел, как он постарел, осунулся и как нечеловечески устал...

— Мариин Валентиновны нет дома, — сказал он заговорщическим тоном. — Давай выпьем...

— А можно ли вам, Федор Иванович?— спросил я, зная, что Шаляпин тяжело болен.

— Коньяк можно,— мрачно проговорил он.— Врачи разрешают...

Налил две больших рюмки коньяку и нарезал несколько кусков окорока.

...В одно из моих посещений Шаляпина, я увидел такую картину: Федор Иванович сидел на банкетке, около него на полу лежало коробок двадцать обуви, и он примерял одну пару за другой.

— Какая дешевка, Шушлин!— воскликнул Шаляпин.— У нас, во Франции, за каждую такую пару знаешь сколько надо отвалить? А у вас всего только десять даянов... Дешевка!..

Я пытался заговорить с ним о возвращении на родину, признался, что и сам тоскую по России, но Шаляпин молчал, думая какую-то свою думу.

Вдруг он с горечью сказал:

— Знаешь, Шушлин, что произошло в Харбине?.. Знаешь, какая сволочь эта наша россейская эмиграция?! Недаром, грешник, я их терпеть не могу!.. Представь себе: являются ко мне в номер эмигранты и просят дать концерт в их пользу. Я ответил: собой не распоряжаюсь, у меня есть менеджер, обращайтесь к нему, без его разрешения я и рта раскрыть не имею права. А они обозлились и назавтра в своих газетенках подняли против меня кампанию: «Шаляпин — предатель», «Бойкотируйте Шаляпина!»—и все в таком духе... Ну, не скоты?!

* * *

...Перед тем как мне уйти, Шушлин показал фотографию, сделанную во время встречи Шаляпина в шанхайском порту.

— Если хотите, можете использовать этот снимок... Только не потеряйте его, пожалуйста... Мне он очень дорог... На нем — автограф Федора Ивановича...

*Прибытие Ф. И. Шаяпина в Шанхай.
Рядом с Шаяпиным — его дочь Дася; крайний слева —
В. Г. Шушин.*

*Надпись: «Милому Шушину на память.
Ф. Шаяпин. 1936 г. Шанхай».*

ПАРТНЕР

Шаляпин пел почти со всеми знаменитыми певцами своего времени. Его партнерами были Титта Руффо и Энрико Карузо, Галли-Курчи и Джеральдина Фаррар, Беньямино Джильи и Тито Скипа, Тоти Даль Монте и Вайда-Королевич и многие, многие другие. Среди партнеров Шаляпина были и певцы, не получившие мирового признания, хотя некоторые считались первоклассными оперными артистами. К их числу принадлежал и молодой польский бас Эдвард Бендер.

...В 1937 году Шаляпин гастролировал в Варшаве.

Он приехал в Польшу уже совсем больной, похудевший, состарившийся.

Это была его последняя гастрольная поездка.

В Варшавском оперном театре с участием Шаляпина шел «Борис Годунов». Партию Пимена пел Эдвард Бендер.

Еще на оркестровой репетиции Шаляпин обратил внимание на его голос — высокий бас красивейшего тембра, идеально ровный, с прекрасными низами; к тому же Бендер обладал и превосходной сценической внешностью.

Во время спектакля Шаляпин, стоя в кулисе, внимательно слушал его пение, а когда окончился акт, задержал Бендера около себя. Подобно многим оперным «звездам» Шаляпин не особенно любил успех других, но тут он сказал:

— У вас, молодой человек, отличный голос... Я давно не слышал такого... Поздравляю и желаю успеха...

Взволнованный похвалой Шаляпина, Бендер благодарно пожал его руку.

Шаляпин умер через год.
Бендер — спустя шесть лет.
Трагичен был его конец.

Когда гитлеровцы оккупировали Варшаву, Бендер оставался в родном городе. Он был активным деятелем движения Сопротивления. Официальное положение оперного премьера позволяло ему выполнять ответственные задания, связанные с подпольной антифашистской борьбой.

Предатель выдал его фашистам. Гестаповцы схватили Бендера, зверски пытали, но не смогли добиться от него ни слова.

В 1944 году Бендера, измученного нечеловеческими пытками, гитлеровцы привязали к танку, который атаковал антифашистов в Аллеях Иерусалимских...

СОКРОВИЩЕ

У Шаляпина был объемистый кожаный портфель, оклеенный множеством пестрых ярлыков — памятных ярлыков туристских фирм, отелей, пароходных компаний стран и городов, в которых гастролировал артист. Все годы, прожитые за границей, Шаляпин возил портфель с собой, никому его не доверял и почти никогда не выпускал из рук.

В портфеле, вместе с самыми необходимыми вещами, лежал небольшой ящичек. Не только люди, работавшие с Шаляпиным — администраторы, концертмейстеры, секретари, — даже родные не имели ни малейшего представления о его содержи-

мом. Они лишь недоумевали, наблюдая, как Шаляпин, приезжая в новый город и входя в приготовленный ему номер, прежде всего бережно вынимал из портфеля ящик и ставил его под кровать.

Зная крутой нрав Шаляпина, никто не осмеливался спрашивать его о ящике. Когда однажды в каком-то южноамериканском городке не в меру услужливый администратор попытался перенести ящик в угол комнаты, Шаляпин рассвирепел и, не говоря ни слова, тут же водворил его на прежнее место.

Это было таинственно и непостижимо.

После смерти артиста его вдова — Мария Валентиновна Шаляпина — вскрыла ящик: он был наглухо, почти герметически, заколочен.

И тайное стало явным.

В нем оказалась горсть земли, взятой Шаляпиным перед отъездом за границу с могилы своей матери, — горсть русской земли.

„LA COMEDIA È FINITA...“

Шаляпин, неизлечимо больной, лежал на широкой кровати. Он лежал, измученный болезнью, с заострившимися чертами лица, худой и бледный, а из-под седых нависших бровей устало и безразлично смотрели скорбные глаза.

Он чувствовал, как с каждым днем от него постепенно уходит жизнь.

Триумфы, богатство, любовь женщин, обожание публики, пирушки с товарищами, — все, чем он жил, теперь казалось ему далеким сном.

...В комнату вошел знакомый журналист — Шаляпин знал его еще по Петербургу.

Федор Иванович обрадовался неожиданному гостю, молча протянул исхудалую руку, с трудом приподнялся, накиннул халат, подошел к окну.

Окно было полураскрыто, и в лицо пахнуло апрельской свежестью. С улицы доносились голоса людей, шум пронесившихся автомобилей — вечный, незатихающий гул большого города.

Шаляпин пристально посмотрел на улицу, и вдруг взгляд его остановился на молоденькой девушке, — она стояла на противоположном тротуаре и, очевидно, кого-то ждала.

— Какая милая, какая красивая девушка! — сказал Шаляпин как бы самому себе, продолжая любоваться ее высокой тонкой фигурой. — Пройдет немного времени, и она выйдет замуж, и станет красивой женщиной... Она будет любить и будет любимой... Она будет жить и будет радоваться жизни и всему живому, а Шаляпин... должен умереть!..

— Да что вы, Федор Иванович, вам ли говорить о смерти?! — попытался отвлечь Шаляпина от мрачных мыслей журналист.

— Нет, брат, — перебил его Шаляпин. — Помнишь слова, которыми кончаются «Паяцы»?.. Не помнишь?.. А я помню: «La comedia è finita!»

* * *

В последние свои минуты Шаляпин попросил пить.

— Почему в этом театре темно? — вдруг, приподнявшись, спросил он жену. — Маша, прикажи им, чтобы подняли огни!..

Потом Федор Иванович впал в забытье.

Через несколько минут доктор Жандрон — домашний врач Шаляпина — тихо сказал:

— Я никогда не видел такой прекрасной смерти...

ОТКРОВЕННОСТЬ

Много лет дружу я со скульптором Михаилом Петровичем Олениным и часто бываю в его маленькой мастерской на Хорошевском шоссе. Я люблю этого обаятельного и скромного человека, люблю царящую здесь обстановку тишины и сосредоточенности, люблю рассматривать его скульптуры — портреты ученых, врачей, артистов, исполненные в мраморе и бронзе.

Однажды я засиделся у него дольше обычного. Мы пили кофе и говорили об искусстве, об оперном театре, о певцах.

— Одно время, — рассказывал Михаил Петрович, — я чуть ли не ежедневно бывал в доме Собиновых. Это был дом приветливый, открытый, хлебосольный — настоящий русский дом. А сам Леонид Витальевич, которого я считаю своим вторым отцом, отличался редким радушием и доброжелательностью.

Как-то за обедом он сказал:

— Я прожил блестящую и счастливую жизнь. Признание и слава пришли ко мне с первых шагов сценической карьеры. Жизнь сложилась так, что я никогда ни к кому не испытывал зависти: я имел все, о чем только может мечтать артист. Но если бы мне *нужно* было кому-нибудь позавидовать, то я позавидовал бы только одному Федору...

— Какому Федору?

— Как — какому Федору? — удивился Леонид Витальевич. — Шаляпину!..

— Почему?

— Бог не дал мне *такого* таланта, какой был у Шаляпина...

АЛЬБОМ МАРШАКА

В 1968 году известный наш писатель, литературовед и критик Александр Дейч, приехав в Париж, был приглашен в гости к младшей дочери Шаляпина — Дасе Федоровне. Она живет в Шату — маленьком городке под Парижем, и Дейч поехал к ней с женой Евгенией Кузьминичной и знакомым французским журналистом.

За столом, кроме Даси Федоровны и ее мужа, сидел еще один человек.

— Мне знакомо ваше лицо, — обращаясь к Дейчу, сказал он на чистом русском языке. — Где мы могли встречаться?

— Я плохо вижу, — ответил писатель, — но у меня хорошая слуховая память, и мне очень знаком ваш голос.

— Откуда вы родом?

— Из Киева.

— Так это вы тот самый Саша Дейч, с которым я когда-то дружил в Киеве?! — после минутной паузы воскликнул незнакомец и крепко обнял Дейча.

Так, почти шестьдесят лет спустя, Дейч встретил своего друга детства Александра Маршака.

Сын известного киевского ювелира Александр Иосифович Маршак унаследовал от отца его профессию и имел в Париже ювелирный магазин. Это, однако, не мешало ему окончить в свое время юридический и философский факультет Парижского университета.

Обосновавшись в Париже, Шаляпин часто заходил в магазин Маршака. Здесь, в магазине, они и познакомились, затем подружились, и их дружба продолжалась до последних дней жизни Федора Ивановича. Когда гитлеровцы оккупировали Париж, Маршак вынужден был ликвидировать магазин, а сам долгое время скрывался в горах Савойи.

После смерти Шаляпина Маршак сохранил дружбу с Дасей Федоровной.

Интересно происхождение ее имени.

В тот день, когда она родилась, в святцах значилось только одно имя — мужское имя «Дасий».

Шаляпин пригласил священника и настаивал на том, чтобы он дал ей имя «Дася».

— Не волен имя мужское в женское превращать, — ответил священник. — Закон не позволяет...

Федор Иванович не захотел с ним препираться, пригласил его в другую комнату, угостил по-шаляпински, и священник в сильном подпитии окрестил дочь Дасей.

Свою младшую дочь Федор Иванович обожал, писал ей письма из всех городов, в которых гастролировал, сочинял для нее сказки и иллюстрировал их собственными рисунками. В сказках действовали добрые и злые волшебники, носившие необыкновенные имена, отважные рыцари и страшные звери.

Сейчас в Париже как будто собираются выпустить в свет эту книжку шаляпинских сказок.

Портрет Ф. И. Шаляпина, побаренный им А. Маршаку

Надпись:

«Эх, как бы мы тоже были настоящими собаками!!!
Ф. Шаляпин. Алекс. Маршаку. Париж. 1929».

Весной 1970 года Александр Дейч с женой снова приехали в Париж. На этот раз они познакомились с архивами театра «Комеди Франсез» — советского писателя интересовали материалы о знаменитом французском драматическом артисте Тальма.

Будучи в Париже, Дейч не мог не навестить своего друга детства. Когда Дейч пришел в гости к Маршаку, первое, что невольно обратило на себя внимание писателя, были висевшие на стенах портреты Шаляпина. Оказывается, Маршак был отличным фотографом-любителем, и в течение многих лет, дружа с Шаляпиным, фотографировал его в ролях, в жизни, в быту. Он старался не пропустить ни одного шаляпинского спектакля в «Гранд опера», ни одного его концерта.

В тот вечер Дейч и Маршак провели вместе несколько часов. Они вспоминали детство, Киев, киевскую оперу и, конечно, молодого Шаляпина, в которого оба были влюблены. Маршак рассказывал Дейчу о последних годах Шаляпина, в чьем доме он был своим человеком. Во время этого разговора Маршак как бы между прочим показал Дейчу альбом в красном кожаном переплете.

Удивительный альбом!

Дейч увидел тридцать пять редчайших снимков Шаляпина, в разные годы подаренных Маршаку с теплыми надписями, фотографии Федора Ивановича в ролях и в жизни, снимки Шаляпина на смертном одре и похороны великого артиста.

— Дайте мне копии этих фотографий, — попросил Дейч. — Многие снимки у нас неизвестны...

— Налечатать их невозможно, — ответил Маршак. — Негативы погибли во время войны...

— Тогда дайте альбом...

*Ф. И. Шалыгин. 1924 г.
(Фото А. Маршака)*

— Я не могу с ним расстаться, хотя, признаюсь, очень бы хотел, чтобы эти фотографии были в Москве.

— Доверьте мне альбом... Мы переснимем фотографии и возвратим альбом в целостности и сохранности...

Маршак задумался.

— Не потеряете?

Дейч улыбнулся:

-- Постараюсь не потерять...

— Берите!

...Александр Иосифович привез альбом в Москву и передал его в Центральный государственный архив литературы и искусства. Сотрудники архива пересняли все тридцать пять фотографий.

Так в фондах ЦГАЛИ появилось еще одно уникальное иконографическое шляпинское собрание.

СЛАВА „ЦАРЬ-БАСА“

Известный в свое время музыкальный критик Юрий Беляев в одной из статей, посвященных Шаляпину, писал, что в «Москве — три чуда: Царь-колокол, Царь-пушка и Царь-бас — Федор Иванович Шаляпин».

Высказывание Беляева — не аллегория и не гипербола.

Популярность Шаляпина действительно была беспримерной, — ни один артист, даже самый знаменитый, не знал и половины той славы, которая выпадала на долю Шаляпина.

Но была и другая сторона славы. Шаляпин любил рекламу, понимал ее значение, и со снисходительностью гения от-

Почтовая открытка, изображающая рублевую ассигнацию. В центре — портрет Ф. И. Шалыгина

носился ко всему, что возвеличивало его имя и упрочивало его известность.

Фотографии и почтовые открытки с портретами Шаляпина в ролях и в жизни во множестве продавались не только в театрах, но и во всех книжных, нотных и музыкальных магазинах.

Кондитерская фирма Г. Ландрин выпустила небольшие, оригинально упакованные плиточки шоколада: сверху обертки вкладывалась продолговатая этикетка, на которой с обеих сторон были воспроизведены портреты Федора Ивановича в жизни и в лучших его ролях.

Вслед за шоколадом появились конфеты «Оперная карамель». На этикетках крупным шрифтом было напечатано: «Роли Шаляпина», и помещены графически исполненные его портреты в наиболее популярных ролях.

Ростовский табачный фабрикант В. М. Хорошаев не захотел отстать от своих столичных коллег. Он изготовил папиросы высшего сорта «А», продававшиеся в коробках по 25 штук. На коробках крупным шрифтом было начертано: «Шаляпин». Хорошаев проявил изобретательность, умудрившись напечатать портреты Федора Ивановича на мундштуках.

Даже карточная монополия использовала необычайную популярность великого артиста и распространяла игральные карты с изображением Шаляпина на тузе пик.

Многократно издавались и переиздавались сборники «Из репертуара Ф. И. Шаляпина». Они состояли из романсов и песен, исполнявшихся Шаляпиным; обложки этих сборников были украшены портретами певца.

И, наконец, отметим, что Всемирный почтовый союз выпустил в России почтовую открытку, изображавшую рублевую ассигнацию, в центре которой был помещен портрет Шаляпина. Эту открытку сохранил один старый оперный артист, тоже бас, любезно предоставивший мне ее для опубликования.

Когда я захотел указать его фамилию, как обладателя

*Этикетка, в которую заворачивалась
«Оперная карамель».*

уникальной открытки, он решительно запротестовал: «Я не могу допустить, чтобы мое имя хоть как-то было соединено с именем Шаляпина, — сказал он. — Шаляпин — Монблан искусства. А кто я? Пигмей! Мошка!» Исчерпав весь запас уничижительных по своему адресу слов, артист этот упрекнул меня в том, что я незаслуженно обидел Федора Ивановича, перечислив далеко не все, что рекламировалось и продавалось с «помощью» его имени. Мой собеседник, оказывается, неоднократно покупал в лучших магазинах Москвы и мыло, и духи, и даже водку, на этикетках которых красовались портреты знаменитого певца.

...Описанное выше — «дела давно минувших дней». К сожалению, свидетелей и очевидцев этих «дел» и «дней» уже почти не осталось. Вот почему я решил рассказать о прижизненной славе Шаляпина молодым его поклонникам — всем, кто любит искусство великого артиста, преклоняется перед его гением и для которых представляет интерес каждый штрих его удивительной биографии.

ДУЗЛЬ

В Кремлевском Дворце съездов шла опера Верди «Дон Карлос».

Я, может быть, и не пошел бы на спектакль (никак не могу принять театр, где опера передается по радио, и где, по меткому выражению Н. С. Лескова, «машины сравнивали неравенство талантов и дарований»), если бы на афише не стояла фамилия Николая Гяурова, исполнявшего партию короля Филиппа: велик был соблазн послушать лучший бас мира!

Антракт между вторым и третьим действиями я провел в артистической комнате Гяурова, говорил с ним и фотографировал его.

В комнату вошел Алексей Гелева — исполнитель партии Великого инквизитора.

Гяуров, поправляя грим, обратился к нему:

— Вы уж, Алексей Павлович, пожалуйста, не давайте в дуэте слишком много звука, а то вы меня своим голосом совсем задавите!

— Ну, что ты, Коля! — понимающе воскликнул Гелева. — Все будет в порядке!..

И дуэт прошел блестяще.

Этот случай я как-то рассказал профессору Игорю Федоровичу Бэлзе.

— А у меня есть продолжение вашей истории, — сказал профессор. — Несколько лет назад я редактировал книгу воспоминаний о Василии Родионовиче Петрове — знаменитом в свое время солисте Большого театра — и на правах редактора сборника изучал его архив. В записках Василия Родионовича я прочел забавный эпизод, имеющий непосредственное отношение к рассказанному вами случаю.

Много лет назад в Большом театре шел тоже «Дон Карлос». Партию Филиппа пел Шаляпин, Великого инквизитора — Петров.

Надо сказать, что Петров преклонялся перед гением Шаляпина, а Шаляпин в свою очередь высоко ценил голос и талант Петрова.

Перед началом того же самого третьего действия Петров сказал Шаляпину:

— А ведь я тебя сегодня перепую, Федя!

— Нет, Вася, не перепоешь! — ответил Шаляпин.

— Перепую!

— Нет, не перепоешь!

Начался акт.

Петров, обладавший могучим голосом, завершил фразу громоподобным фортиссимо, которое заглушило оркестр и заполнило весь театр — от партера до райка.

В какие-то доли секунды Шаляпин понял, что такое фортиссимо перекрыть уже нельзя. И на слова Великого инквизитора король Филипп неожиданно ответил шепотом. Он прошептал свою реплику в абсолютной тишине, и от этих слов, гениально произнесенных Шаляпиным, в зале буквально повеяло зловещим холодом.

Успех был необычайный.

Когда закрылся занавес, Шаляпин шутливо сказал Петрову:
— Вот и все! А ты орешь!..

ПОДАРОК

Это произошло в Милане в 1964 году, вскоре после начала гастролей артистов Большого театра.

Был пасмурный, дождливый, холодный день — обычный для поздней миланской осени. Влажный дымный воздух, насыщенный бензиновыми испарениями, казался тяжелым и неподвижным.

Накануне Иван Петров пел партию царя Бориса в опере «Борис Годунов», и сегодня с утра чувствовал себя не совсем здоровым. Сказалась перемена климата, давало себя чувствовать и нервное перенапряжение: громадный чужой город, волнующая обстановка гастролей, восторженный прием миланской публики, калейдоскоп встреч, знакомств... Петров решил отлежаться, отдохнуть, провести весь день в номере.

Зазвонил телефон. Петров снял трубку и без труда узнал голос Валли Тосканини — дочери знаменитого дирижера:

— Я хочу видеть вас сегодня на спектакле... К моей просьбе присоединяется еще одна дама, она рядом со мной, и я передаю ей трубку...

Через секунду Петров услышал чистую, без малейшего акцента русскую речь:

→ Господин Петров, говорит дочь Федора Ивановича Шаляпина — Марина Федоровна Шаляпина... Не могли бы вы прийти сегодня в один из антрактов в директорскую ложу?..

— Благодарю за приглашение, — ответил Петров. — Приду непременно...

Он положил трубку и, озадаченный неожиданным разговором, вспомнил свой недавний визит к Валли Тосканини... В квартире, в которой жил великий маэстро, было торжественно и тихо. Образ Артуро Тосканини незримо присутствовал здесь и ощущался в каждой вещи. Петров видел его дирижерские палочки, перелистывал клавиры опер с дарственными надписями Верди, Леонкавалло, Пуччини, Бойто, испещренные множеством пометок Тосканини, с жадным интересом рассматривал фотографии «звезд» итальянской оперной сцены — эти фотографии, подаренные Тосканини много лет назад, и поныне украшают стены его кабинета.

Вечером Петров пришел в ложу дирекции.

Был антракт, и в залитом огнями театре сидели и чинно прохаживались мужчины в черных вечерних костюмах, дамы в декольтированных платьях, в бриллиантах, в мехах. Но Петров не замечал этой обычной для «Ла Скала» картины, он весь был в ожидании.

Валли Тосканини, встретив Петрова, таинственно шепнула:

— Марина Федоровна сейчас придет...

И вот в ложу вошла высокая, худая, уже немолодая женщина с черными, слегка седеющими волосами.

— Я слышала вас в «Борисе Годунове», господин Петров,— тепло сказала она, глядя на собеседника большими серыми глазами.— Вы произвели на меня огромное впечатление... И я решила сделать вам маленький подарок... Надеюсь, он будет вам приятен...

Марина Федоровна несколько замялась и заключила:

— Я решила преподнести вам перстень моего отца... Федор Иванович надевал его в последние годы, когда пел Бориса...

Она достала из ридикюля футляр, открыла его и бережно вынула массивный сверкающий перстень — перстень Шаляпина.

Все это произошло так быстро и неожиданно, что Петров несколько секунд стоял молча, не в силах произнести ни звука.

— У меня нет слов, какими я мог бы поблагодарить вас,— наконец, сказал он, склонившись, чтобы поцеловать руку Марины Федоровны.— Этот перстень я буду хранить до конца жизни, как самую дорогую реликвию...

...В жизни артиста бывают минуты высокого и радостного волнения. И это не только овации, восторженные возгласы, вызовы. Обычно они угасают с последним движением занавеса, оставаясь в памяти актера, как воспоминания далекого прошлого, как этапы пути, засвидетельствованные рецензентами в коротких газетных отчетах.

Но перстень Шаляпина, полученный из рук его дочери,— это подарок, имеющий для артиста свою, особую, сердечную ценность. И переоценить такой дар невозможно.

ИНТЕРВЬЮ В АНТРАКТЕ

Я слушал «Дона Карлоса» в Кремлевском Дворце съездов. Партию короля Филиппа пел канадец Джозеф Руло — солист лондонского театра «Ковент-Гарден».

Мне понравился его большой — в две октавы — красивый голос с яркими верхами, бархатной серединой и органно-звучащими низами; понравилось и выразительное исполнение психологически сложной партии.

Как только окончился первый акт, я поспешил в артистическую комнату Джозефа Руло, чтобы успеть сфотографировать его и поговорить с ним. Разгоряченный и потный, сбросив с себя королевский костюм, он отдыхал, сидя перед зеркалом, чуть поправляя грим.

Мы обменялись несколькими фразами, и между нами сразу установились простые и теплые отношения. Закончив съемку, я обратился к артисту:

— Месье, прошу вас, расскажите наиболее примечательный эпизод вашей артистической жизни.

Джозеф Руло задумался и сказал:

— Мне тридцать семь лет, на сцене я — десятый год. Моя жизнь не богата событиями, достойными пера журналиста, хотя я пел и с Тито Гобби, и с Борисом Христовым, и с Чезаре Сьепи, и со многими другими знаменитостями. При очень большом напряжении памяти я, может быть, и вспомнил бы какой-нибудь забавный случай. Но все, что я мог бы припомнить, бледнеет перед тем, что я пережил во время этой поездки.

— В нашей стране?

— Да, да!

— Расскажите, пожалуйста!

— Представьте себе иностранца, оперного артиста, имеющего бас и потому обязанного петь то, что исполнял Шаляпин,— эталон для всех певцов недосягаемый. Учтите, что с самого начала своей жизни на сцене артист этот боготворил Шаляпина. Перед тем как приступить к работе над партией Бориса Годунова, он изучил все, что мог, об эпохе Годунова и прочитал все, что мог, о Шаляпине. И вот, по воле Госконцерта, иностранец приезжает в Казань, где Шаляпин родился, и оказывается в том самом театре, в котором Шаляпин пел.

Вы, надеюсь, догадались, что я говорю о себе.

Но я вошел в Казанский оперный театр не в качестве туриста. Я должен был петь в нем! Петь свою любимую партию — Бориса Годунова. Да еще на русском языке! Да еще после двухчасовой репетиции!

Едва я пришел в театр и начал гримироваться, как вдруг словно увидел живого Шаляпина, услышал его голос. Весь его образ предстал перед моим мысленным взором во всем своем ослепительном великолепии. И я — как говорится — скис. Меня бил нервный озноб. Я никого и ничего не видел. Мне казалось, что Шаляпин стоит в кулисе и посмеивается надо мной. Это было похоже на галлюцинацию, на какое-то дьявольское наваждение. И если я хорошо спел спектакль, и был награжден аплодисментами, и получил цветы, то в большей мере я отношу это за счет вашей чудесной публики.

Вечер в Казани, — улыбнулся Джозеф Руло, — и есть тот самый значительный эпизод моей актерской жизни, который вам хотелось услышать...

АВТОПОРТРЕТ

Борис Фрейдков учился в Петрограде, в частной гимназии Лентовской вместе с пасынком Шаляпина — сыном Марии Валентиновны Шаляпиной от первого брака.

Они дружили, и Фрейдков нередко бывал в доме Шаляпина.

Иногда он наблюдал, как репетировал Федор Иванович, готовясь к спектаклю или концерту, а случалось, ему выгадало счастье слушать Шаляпина в операх на сцене Народного дома.

Мог ли тогда подумать юноша, что через несколько лет он сам станет певцом и будет исполнять те же партии, что и Шаляпин?!

Прошли годы, у Фрейдкова открылся голос, и он был принят в консерваторию. В 1926 году, когда Фрейдков учился на третьем курсе, его пригласили в Мариинский театр.

Более четверти века Борис Фрейдков был солистом этого театра. Обладатель большого, красивого голоса, музыкальный от природы, наделенный сценическим дарованием, он пел основные партии басового репертуара.

Поступив в театр, Фрейдков сблизился с «канцлером» Шаляпина — Исаем Григорьевичем Дворищиным, служившим в «Мариинке» режиссером-постановщиком. У него было широко-скулое лицо с чуть вздернутым носом и острые черные глаза. Не раз Дворищин помогал Фрейдкову в работе над оперными партиями, раскрывал особенности той или иной роли, показывал шаляпинские мизансцены. Не раз Фрейдков бывал у Дворищина в гостях и с увлечением слушал его рассказы о Ша-

ляпине. В эти минуты в памяти Фрейдкова с особенной силой всплывали юношеские воспоминания о Шаляпине, и образ великого певца становился выпуклее, острее, ярче.

Дворищин жил в квартире Шаляпина. Он охранял ее. Он не мог себе представить, что Шаляпин уехал навсегда, и нетерпеливо ждал возвращения друга. Ждал упорно, уверенный в скором свидании. И потому не тронул ни одной вещи, принадлежавшей Федору Ивановичу: все оставалось так, как было при Шаляпине.

В одной из комнат висел автопортрет Шаляпина, писанный маслом. Над этим произведением Федор Иванович работал под руководством Репина два года — с 1916 по 1918 год.

Бывая у Дворищина, Фрейдков подолгу любовался автопортретом. Он намекал Исаю Григорьевичу, что ему очень хотелось бы приобрести этот портрет, и, если когда-нибудь он надумает с ним расстаться, пусть имеет его в виду.

Дворищин, любивший Шаляпина преданной любовью, считал кощунственной саму мысль продать какую-либо вещь, принадлежавшую Шаляпину.

— Нет, — говорил он, — я ничего не продам... Пусть висит...

Началась война. Ленинград оказался в блокаде. Фрейдков эвакуировался с театром в Пермь, а Дворищин остался в Ленинграде. В осажденном городе, в холодной квартире без воды и света, страдая от голода и болезней, Дворищин в 1942 году скончался.

Когда блокада была прорвана и театр возвратился в родной город, Фрейдков узнал, что Исай Григорьевич умер. Теперь все чаще Фрейдков думал о Дворищине, о Шаляпине и его автопортрете, местонахождение которого было неизвестно. В глубине души Фрейдков горько сожалел о том, что в свое время слишком мало «выведал» у Дворищина о Шаляпине, — можно было узнать больше, гораздо больше!

Через несколько лет, гуляя с женой, Маргаритой Михай-

ловной, Фрейдков зашел в антикварный магазин на улице Герцена. Спустившись в подвальное помещение, где продавалась мебель, он увидел возле конторки антиквара какую-то картину, повернутую лицевой стороной к стене.

— Что это за холст?— спросил Фрейдков антиквара Рыбина, с которым был знаком.

— Портрет Шаляпина...

— Покажи!

Рыбин повернул холст, и Фрейдков застыл в изумлении.

— Смотри, Гоша,— волнуясь, сказал Фрейдков жене,— это — автопортрет Шаляпина... Тот самый портрет, который Дворищин никак не хотел мне уступить...

Фрейдков долго смотрел на портрет, потом спросил Рыбина:

— Как он попал к тебе, Петя?

— Принес сын Дворищина...

— О цене договорились?

Рыбин замялся:

— Дело сложное... Ума не приложу, как оценить такую вещь... Ведь это работа Шаляпина!

Пока разыскивали сына Дворищина, Фрейдков не отходил от конторки антиквара. Наконец, Дворищина удалось найти, продажа была оформлена, и Фрейдков унес портрет.

Автопортрет великого певца несколько лет украшал квартиру Фрейдкова.

Незадолго до своей смерти он передал автопортрет Шаляпина известному писателю и ученому-искусствоведу Илье Самойловичу Зильберштейну.

В его богатейшем собрании он находится и по сей день — портрет, который, как описывают искусствоведы, «ниже пояса, $\frac{3}{4}$ вправо, стоит в черном плаще, со скрещенными на груди обнаженными руками».

**Шаляпин добился всего,
чего хотел.**

**Четверть века он
господствовал на сцене
и в жизни,
повсюду вызывая
лихорадочное любопытство
и бурные симпатии.**

**Голос для него был
послушным инструментом.
Когда он хотел, он был
тенором, баритоном
и басом,
он владел всеми красками
оперной палитры.
Д. ЛАУРИ-ВОЛЬПИ**

РАССКАЗ

СИНЬОРЫ КОРРАДЕТТИ

В течение двух недель в Большом театре на одном и том же месте в партере каждый вечер можно было увидеть скромно одетую, худенькую, пожилую женщину. Она приходила задолго до начала спектакля, а покидала театр с последними зрителями.

Это была известная в прошлом солистка «Ла Скала» синьора Ирис Адами Коррадетти. Она уже давно оставила сцену, занялась педагогической деятельностью и приехала в Москву, чтобы ознакомиться с постановкой вокального образования в Московской консерватории и послушать молодых солистов Большого театра.

Меня представили синьоре Коррадетти перед началом «Бориса Годунова». Был тот торжественный час тишины, когда еще полупустой, прохладный, золоченый зрительный зал постепенно заполняется публикой, а из оркестровой чаши доносятся разноголосые звуки настраиваемых инструментов...

— Сегодня я буду слушать «Бориса Годунова», — говорит она, — а память невольно переносит меня почти на сорок лет назад. И я вижу себя молодой певицей. Вижу тот памятный вечер, когда в «Ла Скала» тоже шел «Борис Годунов». Шалыпин пел партию царя Бориса, а мне выпало счастье петь в этом спектакле партию царевны Ксении. В мельчайших деталях помню обстановку праздничной приподнятости, царившую в театре. Волнение, которое я испытывала, усиливалось оттого,

что мне, как и всем артистам, нужно было петь по-русски, и еще оттого, что моим партнером был Шаляпин.

— О, Madonna santissima!¹ С кем из знаменитых артистов не приходилось мне петь! Но ни один не оставил в моей душе такого следа, какой оставил Шаляпин. Петь с ним было великим наслаждением, но и необыкновенно трудно: он требовал от меня, чтобы я «сопереживала» с ним так же глубоко всю трагедию сцены и одновременно была бы гибка и чутка пластически.

До сих пор в моих ушах — слова Шаляпина — Бориса:

Что, Ксения? Что, бедная голубка?
В невестах уж печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвом женихе...

С этими словами Шаляпин брал меня за плечи — огромный, сильный, невыразимо-прекрасный — и привлекал к себе. Каким отеческим теплом, нежностью, жалостью, добротой наполнял он каждую музыкальную фразу! И как удивительно дополняли пение мимика и жесты! Выражение его глаз было столь необычно, что, глядя на него, меня охватывал дикий страх... Я обратила внимание на его грим. Он был наложен так искусно, что становился незаметным не только издали, но и вблизи... Передо мной действительно стоял царь Борис, не Шаляпин!

В антракте Шаляпин подошел ко мне и, хлопнув несколько раз в ладоши, сказал, улыбаясь:

— Brava, Iris, brava!..²

Я была на седьмом небе от счастья...

...Мой друг, знаменитый тенор Тито Скипа, был буквально одержим Шаляпиным. Он мог говорить о нем часами, восхищаясь его голосом, талантом, умом. Скипа приходил в театр

¹ — О, пресвятая Мадонна! (*итал.*)

² Bravo, Ирис, bravo!.. (*итал.*)

и терпеливо ждал конца репетиции. Едва она заканчивалась, Тито брал Шаляпина под руку, и они отправлялись обедать. Скипа не отпускал Шаляпина от себя ни на шаг, он не раз говорил мне, что хочет жить каждой минутой с Шаляпиным...

...Я так увлекся разговором с синьорой Коррадетти, что не заметил, как погасили свет. Я простился с артисткой, поцеловав ей руку, и поспешил в фойе, чтобы под свежим впечатлением записать ее рассказ.

ПОРТРЕТ В ОВАЛЬНОЙ РАМЕ

Весной 1963 года Краснознаменный ансамбль имени Александра прибыл на гастроли в Ливерпуль.

Перед началом первого концерта за кулисами разнесся слух: в зале — дочь Шаляпина. Никто из артистов не принял этот слух всерьез; им казалось сомнительным встретить в Ливерпуле кого-нибудь из семьи Шаляпина. Но когда концерт окончился и стихли овации, за сценой появилась незнакомая, скромно одетая, пожилая женщина.

— Я — дочь Федора Ивановича Шаляпина... Марфа Федорвна... — сказала она, знакомясь с Борисом Александровым. — Я пришла, чтобы пожать вам руку и выразить восхищение концертом... Я давно не получала такого удовольствия...

Борис Александров поблагодарил ее и сказал, что искренне рад познакомиться с дочерью Шаляпина.

— А я ведь пел с Федором Ивановичем, — заметил Александров, улыбнувшись. — Давно это было... Мальчиком пел я в

синодальном хоре и однажды участвовал в концерте, в котором выступал и Федор Иванович...

— Мне это вдвойне приятно, — ответила Марфа Федоровна и, помолчав, продолжала: — Вы не можете себе представить, как приятно, как радостно услышать здесь, в Англии, русскую музыку, русскую песню, русский говор...

Прощаясь, она пригласила артистов к себе на чашку чаю.

Дня через два группа «краснознаменцев» побывала у нее в гостях, на окраине Ливерпуля, в маленьком двухэтажном домике, в котором она живет с мужем.

Марфа Федоровна встретила гостей с редким радушием и сразу же сумела создать обстановку простоты и непринужденности. Она показывала артистам вещи Шаляпина, редкие его фотографии и много рассказывала о последних часах жизни своего отца.

— Федор Иванович, — говорила она, — все годы, прожитые за границей, тосковал по России. Чувствуя приближение смерти, он с горечью жаловался, что умирает не на Родине... Он лежал на кровати, похожий на аристократа. Его обыкновенный, слегка округлый нос заострился и принял орлиную форму. Обычно румяное лицо Федора Ивановича приобрело землистый оттенок. Исчез властный блеск глаз. Все мы неотлучно находились в комнате отца. С нами были и некоторые врачи, лечившие Федора Ивановича, — профессор Абрами, доктор Жандрон. За несколько минут до смерти отец попросил пить и настаивал на том, чтобы самому держать чашку... Потом он потерял сознание... Это был конец...

Марфа Федоровна умолкла, и в комнате стало тихо. После короткой паузы она сказала:

— Вот я говорю с вами, а голову сверлит одна и та же мысль: что бы такое подарить вашему ансамблю на память?

Спустя несколько минут она принесла из другой комнаты большой портрет Шаляпина в массивной овальной раме.

— Это — самое дорогое, что у меня осталось от отца, — сказала она с грустью в голосе. — Вот смотрите, какую надпись сделал Федор Иванович, даря портрет.

На лицевой стороне фотографии артисты прочли:
«Марфуше моей ненаглядной от папули на память».

Марфа Федоровна долго вглядывалась в лицо отца, затем на оборотной стороне фотографии написала:

«Ансамблю Советской Армии на добрую длинную память.
Марфа Шаляпина. 23 марта 1963 года. Ливерпуль».

* * *

Портрет Шаляпина, подаренный Марфой Федоровной, висит в музее ансамбля.

Из всех подарков, преподнесенных ансамблю во время его многочисленных гастрольных поездок, этот портрет особенно дорог «краснознаменцам». Он постоянно напоминает о кровной связи Шаляпина с Россией, с русским народом, с русским искусством, которому он был свято предан и которое гордо пронес по белу свету.

РЕЦЕТИТОР

Приехав в Москву, художник Борис Шаляпин некоторое время жил у своего друга детства — композитора Юрия Слонова.

У Слонова я и познакомился с Шаляпиным.

— А вы не знаете, жив ли Борис Сергеевич Стечкин? — спросил Шаляпин. — Нельзя ли с ним встретиться?.. Страсть как хочется его повидать!..

*Ф. И. Шаляпин готовится к концерту.
Одна из последних фотографий
великого артиста.*

Я был знаком с академиком Стечкиным, и вызвался помочь Шаляпину. Позвонил на городскую квартиру, на дачу, но, к сожалению, Борис Сергеевич находился тогда вне Москвы.

Шаляпин огорчился донельзя.

* * *

Месяца два спустя я случайно встретил Бориса Сергеевича, рассказал ему о приезде Шаляпина, о его просьбе и о своих неудачных звонках. Попутно я решил спросить, откуда они знают друг друга? Признаться, мне показалось странным это знакомство: всемирно-известный ученый, один из строителей отечественной авиации, Герой Социалистического Труда, и — скромный художник, давно живущий в Нью-Йорке!.. Что может быть у них общего?..

Борис Сергеевич ответил:

— Давно это было. Я учился в Московском высшем техническом училище, жил бедно, постоянно нуждаясь в деньгах.

Однажды великая русская актриса Гликерия Николаевна Федотова, в доме которой на Плющихе я бывал довольно часто, сказала мне, чтобы я поехал по одному адресу, где меня как будто согласны взять репетитором.

На следующий день я отправился на Новинский бульвар, нашел особняк, указанный Федотовой, и позвонил.

Молодая красивая женщина, которой я представился, оглядела меня с головы до ног.

— Познакомьтесь с вашими будущими учениками, — сказала она на ломаном русском языке. — Вот Борис, вот Федор, а вот Татьяна...

Это были младшие дети Федора Ивановича Шаляпина.

Иола Игнатьевна — жена Шаляпина — затем объявила, что будет платить мне тридцать пять рублей в месяц, и тут же показала отведенный для занятий мезонин.

Несколько раз на уроки приходил Федор Иванович. Он сидел молча, громадный, сильный, в пестром халате, и внимательно слушал, как я учу его детей читать, писать, считать, — Таню, Бориса и Федора я готовил к поступлению в первый класс гимназии.

На одно из представлений «Хованщины» Шаляпин повез детей в Большой театр. Пригласил он и меня. Так впервые в жизни я попал в Большой театр и впервые слушал Шаляпина.

Впечатление было необыкновенно и ошеломляюще... Более полувека прошло с тех пор, а у меня и сейчас «на слуху» его голос, и я до сих пор вижу его на сцене, и не могу забыть...

Академик помолчал, потом сказал:

— Ну, а как он выглядит, Борис?.. Небось так постарел, что я бы его и не узнал?! Конечно, обидно, что все у нас так нескладно получилось — это я о ваших телефонных звонках!..

„ПРОБНАЯ“ ЗАПИСЬ

Московские филофонисты — энтузиасты музыки, коллекционеры граммофонных пластинок — уважительно называют Ивана Федоровича Боярского «энциклопедией грамзаписи».

За сорок лет собирательства он создал громадную коллекцию записей оперных певцов, русских и иностранных, — коллекцию настолько внушительную и всеобъемлющую, что

услугами Боярского пользуются не только музеи, но и радио, и даже фирма «Мелодия».

Несмотря на почтенный возраст, — Ивану Федоровичу уже за семьдесят, — он по-прежнему изо дня в день, кропотливо и настойчиво разыскивает старые граммофонные пластинки, выпущенные еще в начале нашего века, — все эти «Амуры», «Патет», «Зонофоны», «Фонотипии» и прочие «филофонические» редкости.

...Когдаходишь в комнату Боярского, о ее *прямо* назначении свидетельствует только кровать и обеденный стол. Вся остальная «жилплощадь» — от пола до потолка — занята коробками с пластинками; они успешно ведут наступление и на обеденный стол, и уже «оккупировали» добрую его половину.

Познакомился я с Иваном Федоровичем во время работы над книгой о Титта Руффо, и Боярский, добрый человек, оказал мне неоценимую помощь, проиграв на граммофоне большинство оригинальных, напетых Титта Руффо пластинок.

С тех пор я нет-нет да и забегая к нему «отвести душу» — послушать певцов прошлого, благо выбор неограничен: десять тысяч пластинок!..

Однажды пришел я к Боярскому и застал его в благодушном настроении.

— Что случилось, Иван Федорович? Никогда не видел вас столь беззаботно веселым?!

— Такое не часто бывает, — загадочно улыбнувшись, ответил он. — Послушайте-ка, что произошло, и вы поймете, почему я сегодня так хорошо настроен...

И я услышал одну из тех удивительных историй, которую по достоинству может оценить только влюбленный в свое дело собиратель.

— В 1937 году, — рассказывал Боярский, — работал я на

строительстве жилого дома академиков на Калужской, 13. Познакомился там со старичком архитектором. Узнав, что я коллекционирую пластинки и особенно увлекаюсь творчеством Шаляпина, он как-то ехидно заметил:

— Вот, Иван Федорович, кажется, все записи Шаляпина вы собрали, а той пластинки, на которой он наговорил стихотворение «Грезы», у вас нет... Да-с!..

Больше он ничего не сказал. Но и этих слов было достаточно, чтобы я потерял покой и сон. Просмотрел все каталоги — нет такой пластинки! Кому ни писал, куда ни обращался, кого ни спрашивал — все только глаза на меня таращили...

Обещал он взять эту пластинку у какого-то своего приятеля и принести мне послушать, но так и не принес, а потом пропал мой старичок, то ли умер, то ли еще что с ним стряслось — не знаю: больше я никогда его не видел.

Прошло много лет, познакомился я с музыковедом Аидой Фавиа-Артсай. Живет она в Нью-Йорке и тоже увлекается коллекционированием. Стали мы обмениваться пластинками. Неожиданно она сообщила, что в Нью-Йорке умер какой-то богатый коллекционер, и она приобрела у его наследников среди прочих пластинок и эту редчайшую шаляпинскую запись, в существование которой, правду сказать, я не верил. Выяснилось, что Федор Иванович наговорил стихотворение «Грезы» 31 января 1922 года в Америке. Пластинка была пробная, и Шаляпин не разрешил выпустить ее в свет (всегда, прослушав пробную запись, он давал краткую оценку собственному пению, надписывая на белых этикетках: «Хлам», «Не годится», «Не плохо», «Хорошо»).

Так и осталась она в пробных.

Конечно, ни в один каталог она не была внесена, а потому о ней никто и не знал. И только сегодня получил я от Фавиа-Артсай посылку с переписанной пластинкой Шаляпина.

Читает Федор Иванович в манере знаменитого трагика Мамонта Дальского, читает с некоторой аффектацией и драматическим «нажимом», подражая своему учителю даже интонационно. Вероятно, Шаляпин чувствовал этот недостаток и, взыскательный к собственному творчеству, забраковал запись. Но, как бы то ни было, а согласитесь: пластинка-то уникальная!.. Хотите послушать?

...Когда, еще дитя, за школьную стеною
С наивной дерзостью о славе я мечтал...

И Боярский продемонстрировал мне эту единственную запись Шаляпина-чтеца, запись, которую он тщетно искал тридцать лет и которая попала к нему таким необычным путем.

ДАР АННЫ-ГАЛИНЫ

Услышишь иной раз телефонный разговор, от которого никак не можешь прийти в себя,— так он загадочен и интригующ. И долго потом терзаешься сомнением: не «розыгрыш» ли?

Подобное состояние испытал заведующий музеем Большого театра Валерий Зарубин: только что он говорил по телефону с какой-то женщиной, и в его ушах все еще звучал голос незнакомки:

— Хочу подарить музею костюм Шаляпина,— сказала она на ломаном русском языке.

Зарубин то ли не понял, то ли не расслышал:

— Какой костюм?.. Какого Шаляпина?..

— Костюм Федора Ивановича Шаляпина, — медленно повторила женщина, старательно выговаривая имя, отчество и фамилию великого артиста.

— Ну, что ж, — ответил Зарубин, — примем с величайшей радостью и будем искренне признательны!

— Хорошо! — сказала незнакомка и положила трубку.

Неопределенно закончившийся разговор заставил Зарубина насторожиться. Он решил, что стал жертвой «розыгрыша». Ему казалось невероятной сама мысль, что может найтись человек, который так легко и просто согласен расстаться с костюмом Шаляпина.

В это время Зарубина отвлекли другие дела, и вскоре он совершенно забыл о «розыгрыше».

Часа через два в музей вошла невысокая молодая женщина со смуглым лицом и большими темными глазами. На вытянутых руках она внесла громадный, шитый золотом, костюм из тяжелой парчовой ткани.

Зарубин изменился в лице.

— Это вы звонили? — спросил он. — Как же вы отважились тащить на себе такую тяжесть?.. Мы бы к вам приехали... помогли!..

— О, ничего, ничего! — улыбаясь, сказала гостя, с трудом переводя дыхание. — Я только вчера прибыла из Парижа... Везла костюм, как самую большую ценность... Всю дорогу глаз с него не спускала... И я рада, что мой «вояж» закончился успешно...

* * *

Кто же была эта женщина, принесящая музею столь ценный дар?

Она — французская балерина, восторженная поклонница

русской балетной школы. И сценический псевдоним — Анна-Галина — выбран ею не случайно: в нем отразилась ее любовь к русскому балету. Первую часть псевдонима она взяла в честь великой балерины Анны Павловой, а вторую — в честь Галины Улановой, искусством которой она покорена.

Анна-Галина рассказывала:

— Живя в Париже, Федор Иванович Шаляпин был дружен с моими родителями и часто бывал у нас в гостях. Однажды он принес какой-то большой сверток. Когда Федор Иванович развернул его, родители были потрясены: они увидели костюм Бориса Годунова, в котором Шаляпин выступал на сцене «Гранд опера».

Не говоря ни слова, Шаляпин тут же надел его, посмотрел на себя в зеркало, несколько раз прошелся по комнате и громко спросил:

— Ну как, хорош? А?

В тот же день Шаляпин подарил костюм моим родителям на память о себе. На подкладке он расписался: «F. Shaliapin. 1928.»

...Долгие годы семья Анны-Галины хранила костюм Федора Ивановича как бесценную реликвию. Отправляясь в туристическую поездку в Москву, Анна-Галина решила захватить с собой шаляпинский костюм и передать его музею Большого театра.

— Этот костюм по праву принадлежит вам и должен быть у вас, — сказала она.

* * *

Дар Анны-Галины можно увидеть в музее Большого театра, в отделе, посвященном Шаляпину. Правда, посетители музея, взглянув на этот экспонат, не смогут узнать его «биографию».

Но, может быть, они прочтут эти строки, и помянут благодарным словом скромную французскую балерину, с трогательным бескорыстием передавшую музею дорогую реликвию?!

В МАГАЗИНЕ „ГЛОБ“

В парижских прогрессивных газетах появилось объявление: «В библиотеке книжного магазина «Глоб», на улице Бусси, советский писатель Лев Никулин будет надписывать свой роман «Московские зори» и книгу о маршале Тухачевском, недавно переведенные на французский язык».

Объявление привлекло в библиотеку много парижан. Они любят «мероприятия» подобного рода — есть, очевидно, какая-то неизъяснимая прелесть в том, чтобы поставить на библиотечную полку книгу с автографом писателя!

Никулин «работал» на совесть и страшно устал. Но эти «издержки» писательской славы с лихвой окупилась неожиданным подарком. К Никулину подошел почтенного вида старичок и сказал:

— Я знаю вас, господин Никулин, как автора книги «Люди русского искусства»... Позвольте преподнести вам подарок... В этой папке есть прелюбопытные вещи...

В суматохе писатель не смог рассмотреть подарок. Не догадался он узнать и фамилию доброхота. Вечером в гостинице Никулин раскрыл папку и — ахнул! Он держал в руках более сотни вырезок из французских и английских газет и журналов. Это были статьи, корреспонденции, заметки, фотографии. И все они рассказывали о последних годах жизни и о смерти Шаляпина.

— Теперь, наконец, я смогу закончить книгу о великом артисте, — сказал Никулин. — Я получил такой интересный и всеобъемлющий материал, который мне и во сне не мог присниться. Случай в магазине «Глоб» лишний раз убедил меня в том, что ни один писатель не знает, где, когда и при каких обстоятельствах он станет обладателем нужного для работы материала.

Пути эти воистину неисповедимы.

* * *

К сожалению, Никулин не успел осуществить задуманное: вскоре он заболел и умер. И материал, подаренный ему неизвестным почитателем шаляпинского гения, так и остался неиспользованным.

И я подумал: нет и не может быть подлинного писателя, который бы, уходя из жизни, до конца исчерпал творческие замыслы. Да и как уложить в прокрустово ложе земного существования все обилие планов, рождаемых мыслью?!

НА МОГИЛЕ ШАЛЯПИНА

Задолго до приезда оперной труппы Большого театра на гастроли в Париж многие артисты мечтали о том, чтобы побывать на кладбище Батиньоль, где похоронен Шаляпин. Они считали долгом своим поклониться праху того, кто возвеличил и прославил русское оперное искусство во всем свете.

*Солоист Большого театра Андрей Соколов
высыпает на могилу Ф. И. Шаляпина
москowsкую землю.
Париж. 1970 г. (Фото Юрия Королева)*

И хотя программа гастролей была напряженной — спектакли и концерты давались почти ежедневно, — мысль о «свидании» с Шаляпиным не оставляла их ни на минуту.

Час этот, наконец, пришел.

В морозный январский день автобус доставил артистов к воротам кладбища Батиньоль — небольшого кладбища, расположенного в пяти километрах от Парижа.

Хозяйка цветочного магазина, куда вошли артисты, услышав русскую речь, сказала:

— Когда москвичи или ленинградцы покупают у меня цветы, я уже знаю: они идут на могилу Шаляпина.

— Вы не ошиблись, мадам...

...Вот и могила — на краю аллеи — большая плита из розового гранита и над ней — крест, слегка запорошенный снегом.

Александр Огнивцев смел варежкой снег.

Открылась надпись:

«Здесь покоится Федор Шаляпин — гениальный сын земли русской».

В скорбном молчании артисты окружили могилу, положили цветы.

Тишину нарушил низкий бас Алексея Гелевы.

— Дорогой Федор Иванович, — сказал он, — к тебе пришли артисты Большого театра. Мы принесли тебе горячую любовь и признательность твоего народа. Ты боялся забвения. Но ты не забыт. И забыт никогда не будешь...

Когда Гелева кончил, к могиле подошел Андрей Соколов. Волнуясь, он развернул пакет и высыпал у изголовья землю, взятую им во дворе шаляпинского особняка на Новинском бульваре, — русскую землю, которую Шаляпин так любил и по которой так жестоко тосковал...

Было что-то очень трогательное и вместе с тем торжественное в этом простом и скромном акте советских артистов...

...Возвращаясь в Париж в автобусе, кто-то тихо, как бы про себя, прочитал строки Веневитинова:

Пройди без шума близ него,
Не нарушай холодным словом
Его священных, тихих снов!
Взгляни с слезой благоговенья
И молви: это сын богов,
Любимец муз и вдохновенья!

С о д е р ж а н и е

Гениальный сын земли русской

5

Золоченое кресло

11

Поцелуй «небожителя»

12

Крестный отец

13

На Моховых горах

18

Народный концерт

21

На даче у Мамонтова

24

Два инцидента

27

Ложка

28

«Судьба»

30

170

Как я «заменял» Шаляпина

32

В гостях у старого меломана

36

На оркестровой репетиции

42

Концерт в магазине

43

Дорогое далекое

44

На взморье

50

Поклонница

51

«Революционная песня»

58

Рядовой спектакль

62

Сеанс гипноза

66

«Два Федора»

69

171

Три тысячи фотографий
78

Горький, Уэллс, Шаляпин...
83

Последний концерт
84

Комментарий к письму
88

В «Фаусте» с Шаляпиным
92

Простодушный импресарио
95

Весенней ночью...
97

Встреча с «последним из могикан»
102

Нежданное письмо
106

— Ciao, Shaliapin! Come va?..
108

Шутка
112

172

В «фойе Направника»

113

«Повинную голову и меч не сечет!»

116

В порту

119

Пятнадцать лет спустя...

121

Партнер

126

Сокровище

127

«La comedia è finita...»

128

Откровенность

130

Альбом Маршака

131

Слава «царь-баса»

136

Дуэль

140

173

Подарок

142

Интервью в антракте

145

Автопортрет

147

Рассказ синьоры Коррадетти

152

Портрет в овальной раме

154

Репетитор

156

«Пробная» запись

159

Дар Анны-Галины

162

В магазине «Глоб»

165

На могиле Шаляпина

166

Александр Лазаревич Лесс

РАССКАЗЫ О ШАЛЯПИНЕ

Редактор *М. Г. Пожидаева*
Художественный редактор *Н. Л. Юсфина*
Технические редакторы *Т. Н. Гончарова*
и *В. А. Преображенская*
Корректор *Э. А. Росаткевич*

Сдано в набор 17/11-72 г. Подписано к печати 6/VII-72 г. Формат бум. 70×108^{1/32}. Физ. печ. л. 5,5. Усл. печ. л. 7,7. Уч.-изд. л. 6,9. Изд. инд. НА-119. А03154. Тираж 100 000 экз. Цена 68 коп. в переплете с супер.-обл. Бум. тифдручная.

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцеский вал, 49. Заказ 3808.

Ал. Лесс.

Л 51 Рассказы о Шаляпине. М., «Сов. Россия», 1973.
176 с. с илл.

Книга — результат кропотливой и увлеченной работы автора, на протяжении многих лет изучавшего жизнь и творчество великого русского певца Ф. И. Шаляпина. Небольшие очерки Лесса помогают воссоздать сложный, многогранный образ гениального артиста, понять психологию его творчества.

Книга широко иллюстрирована редкими фотографиями.

8—1—4

44—72

792. 4